РОВЕСНИК

№ 8/86
Август

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ISSN 0131—5994

40 лет МСС

Международный союз студентов (МСС) был создан в августе 1946 года в Праге на I Всемирном конгрессе студентов. В рядах своего союза передовое студенчество планеты плечом к плечу с демократической молодежью мира ведет борьбу за счастливое будущее человечества, против империализма и угрозы новой войны. Сегодня МСС — единственная организация, которая объединяет демократическое студенчество всего мира, выражает его чаяния и интересы. В нынешних условиях резкого обострения международной напряженности особую важность имеют активные действия МСС в защиту мира, провозглашенная на его XIV Конгрессе всемирная студенческая кампания «Студенты за мир, против ядерной войны». Вот уже 40 лет в деятельности МСС активно участвует советское студенчество.

МОСКВА. В Советском Союзе прошла традиционная неделя действий против войны, за безопасность и сотрудничество в Европе. В столицах союзных республик, в областных центрах, городах и селах нашей страны состоялись митинги и демонстрации в поддержку советских мирных инициатив, многокилометровые марши мира, выставки детских рисунков, концерты самодеятельных артистов. На многих предприятиях трудящиеся организовали вахты мира. Во всех этих мероприятиях активно участвовали и студенты, которые вместе со всеми советскими людьми обратились с призывом к прогрессивному человечеству объединить усилия в борьбе за запрещение испытаний ядерного оружия, его полную ликвидацию, против перенесения безумной гонки оружия массового уничтожения в космос.

ЛОНДОН. «Новая философия обучения» — так называет буржуазная печать политику английского правительства в системе образования. Нового, правда, в ней мало: урезаются социальные программы, студенты лишаются пособий, труд преподавателей оплачивается чрезвычайно низко, школы и университеты не получают современного оборудования. Двери вузов почти наглухо закрыты для англичан из малоимущих слоев. Новое только в масштабах этого массированного наступления на право учиться. Одновременно правительство консерваторов наращивает привилегии дорогостоящим частным учебным заведениям, недоступным неимущим. Вот почему молодые англичане вышли на демонстрацию.

Верхний снимок сделан в Ливерпуле, подобные манифестации студентов проходят во многих городах Англии.

РИМ. Они заполняют площади итальянских городов — Рима, Неаполя, Турина, Милана,— тысячи и тысячи студентов протестуют против существующей в Италии системы образования. Таких выступлений студенчества страна не знала последние двадцать лет. Это стихийное недовольство бесперспективностью, на которую обречено поколение, вступающее в жизнь с вузовскими дипломами. С одной стороны, диплом не гарантирует работы. С другой — из-за недостатка правительственных ассигнований на образование учащиеся часто лишены возможности на современном уровне овладеть выбранной профессией. Доходит до смешного: в кулинарном училище в Милане почти нет практических занятий — газ для горелок не по карману администрации. Дороговизна обучения, мизерность средств, отпущенных на социальные программы по образованию, вынуждают многих молодых итальянцев бросать учебу. На снимке внизу студенты готовятся к демонстрации.

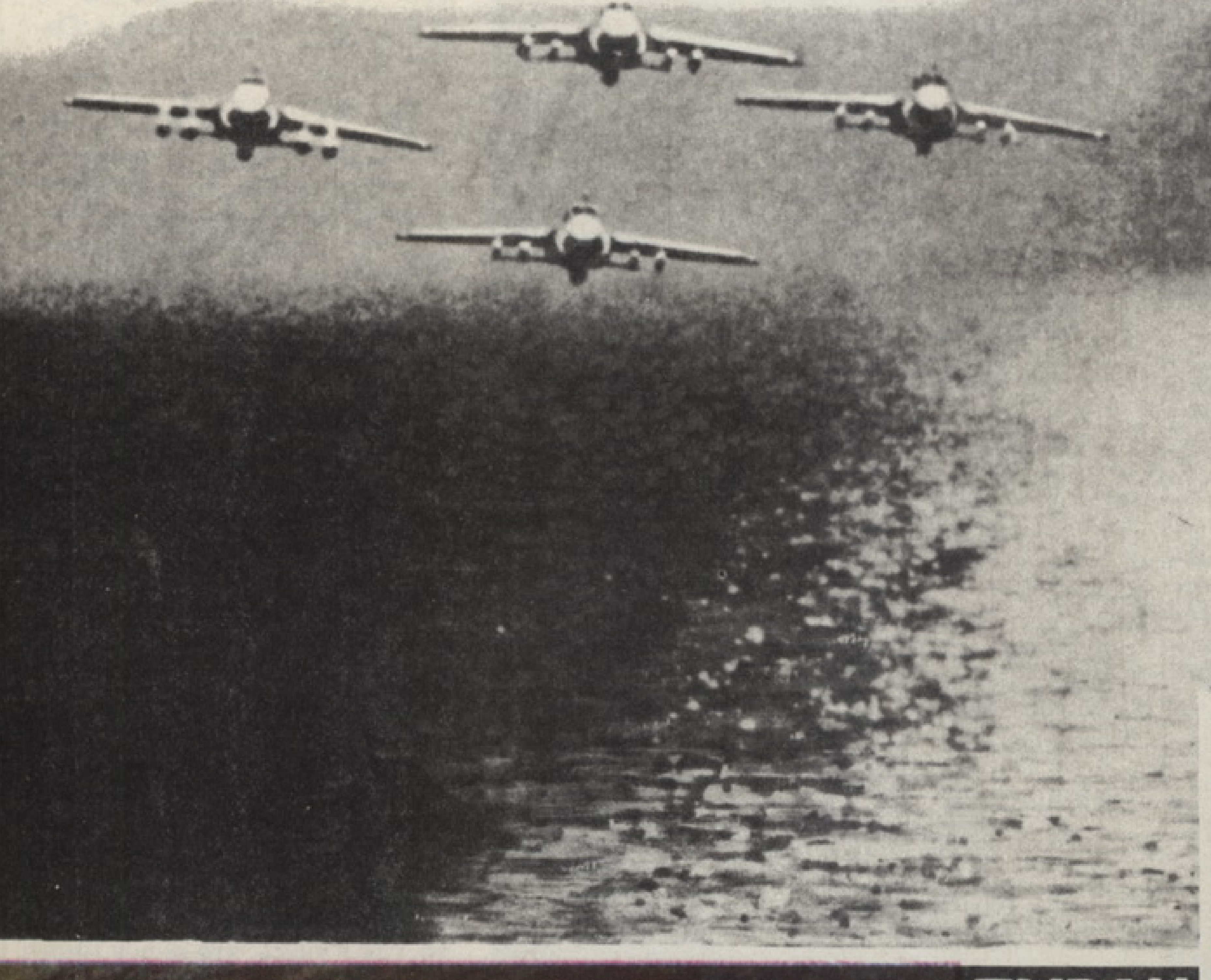
ПАРИЖ. Муниципальный совет объявил город Обань «городом мира». Студенты Ниццы провели велосипедный марш мира по маршруту Ницца — Обань и посадили там дерево мира. Учащиеся городов в долине Ори и Луары организовали конкурс рисунков, посвященных Международному году мира. Французское студенчество — активный отряд антивоенного движения страны. На снимке слева в центре: марш мира в Париже.

ВАШИНГТОН. Сотни представителей студентов университетов США пришли к Капитолию с дырявыми зонтиками, символизирующими бесполезность «стратегической оборонной инициативы», которая, по мысли президента Рейгана, должна обеспечить США «космический щит». Они потребовали у конгресса прекратить финансирование ядерных испытаний. Представитель учебных заведений штата Джорджия нес плакат «Два триллиона на крышу, которая протекает? Студенты против «звездных войн»!». Хиллари Хомзи из Виргинского университета в Шарлотсвилле сказала: «В начале года против гонки вооружений в космосе у нас было всего два человека. Сейчас — двести. В таком консервативном учебном заведении Юга, как то, где я учусь, это очень много». Студенты выразили протест и против варварских бомбардировок Триполи и Бенгази. Они несли плакаты «В чем виноваты дети Ливии?». Высказываемое прессой США мнение о политической апатии студенчества опровергается реальной жизнью.

КАНБЕРРА. На снимке — плакат «Соскребем АНЗЮС!». Так студенчество Австралии выражает протест против членства своей страны в агрессивном военно-политическом блоке на Тихом океане, которым заправляют США. Австралийские студенты идут в первых рядах общенациональной кампании за превращение южной части Тихого океана в безъядерную зону.

СМОТРИТЕ

Бомбардировка Ливии, заявил госдепартамент, только «один из примеров» того, как США намерены расправляться с «терроризмом», то есть, правильней сказать, с неугодными Америке правительствами. События последних десяти лет показали, что предлог для агрессии придумывается любой, но неизменно лживый: «безопасность американских граждан» — Гренада (1983 г.), «терроризм» — Ливия (1986 г.), «покушение на жизненные интересы США» — Никарагуа (1983—1986 гг.)... На снимках этого разворота — лицо государственного терроризма в действии. А его жертвы — дети (как этот ребенок из Триполи, убитый американской бомбой ночью во время сна); мирные люди, занятые заботами повседневной жизни. «Президент, чем вам помешали ливийские дети!» — написал американец, вышедший на демонстрацию протеста. Законный вопрос.

ЛИВАН

ЛИВИЯ

ГРЕНАДА

НА ГРАНИЦЕ НИКАРАГУА

ВЕСЬ МИР — БОМБА?

Стадс ТЕРКЕЛ,
американский писатель

Друзья, не удивляйтесь, что на протяжении всей моей речи я ни разу не употреблю слов «семья», «стяг», «бог» или «отечество». Не использую фразу: «Выпрямившись во весь рост». Я не ваш президент и не преподаватель физкультуры. Я не хочу унижать ваш разум риторикой. Дорогие радиослушатели, никогда в истории разуму не грозила такая смертельная опасность, как теперь, и никогда еще стоящие у власти не вели на разум столь активного наступления.

Я много поездил по Америке, я разговаривал с тысячами американцев и утвердился во мнении, и прежде жившем в моей душе: каждый из вас, как и подобает, наделен разумом, который так и не смогли выбить из вас до конца. Продажность официальной власти поставила вас в условия, когда ваш природный разум вынужден пребывать в несвойственном ему замороженном состоянии. И хотя мы считаем себя свободными, мы находимся в рабстве.

Поэт и публицист Арчибалд Мак-Лиш в 1949 году сказал: «Никогда еще в мировой истории интеллектуальное и моральное влияние одного народа на другой не было столь велико, как влияние русских на американцев. Американская внешняя политика стала зеркалом русской внешней политики: что бы ни делали русские, мы делали наоборот. Американская внутренняя политика также подчинялась принципу перевернутого изображения: ни один политический деятель не мог занять кресло, не зарекомендовав себя ярым ненавистником русских, ни одно предложение — во всем спектре от мирных программ до военного бюджета — не могло быть принято, пока не выяснялось, насколько оно не нравится русским. Так вся американская политика была настроена на русский лад».

Сказанное Мак-Лишем по-прежнему истина.

Первое, что я сделал бы, став президентом,— издал вторую Декларацию независимости. Мы должны освободиться от вымученных догм прошлого, мы должны освободиться от «русского синдрома».

С момента окончания второй мировой войны на военные нужды мы истратили триллион долларов. Безумие, не так ли? Как в свое время заметил советник президента Кеннеди Джером Вейснер: «В гонке вооружений мы пытаемся обогнать самих себя».

Как бы я поступил с русскими, став президентом? Вступить с ними во взаимоотношения я попросил бы Джорджа Кеннана [1], предложив ему пост госсекретаря. Он, вероятно, лучше других знает русских, их волнения, утраты, страдания, их решимость и надежды. Он также понимает, что, пытаясь унизить их, мы унижаем себя.

Альберт Эйнштейн, чей гений в конечном счете повинен в создании атомной бомбы, предостерегал народы от «неслыханной катастрофы, которую они, без сомнения, навлекут на себя, если в корне не изменят своих взглядов друг на друга». Мы совершили качественный скачок в науке, но, если мы также не сделаем качественного скачка в общественных и политических отношениях, мы конченые существа. Динозавры были могучими, но они не смогли приспособиться к изменившимся условиям жизни — и вымерли. Мы тоже могучи, но, если не сможем приспособиться к происшедшим в мире переменам, мы тоже вымрем. Я взываю к вашему и собственному разуму.

Мой госсекретарь предложил бы немедленно взаимное сокращение ядерных арсеналов. Довольно перепалок между экспертами. У двух стран и без того останется достаточно оружия, чтобы уничтожить друг друга. Желать большего количества — шизофрения и бессовестный грабеж налогоплательщиков.

Всем нам больно признать, что в последние годы угрожающе возросло число самоубийств среди молодых. Я считаю, это связано с их страхом перед ядерной катастрофой. Ими овладевает глубочайший фатализм. Одна знакомая девушка как-то сказала мне: «Я боюсь за племянницу. Ей всего три года. Я хочу, чтобы она выросла. За себя я не так боюсь. В конце концов я уже пожила семнадцать лет».

Этот фатализм понятен: молодые — и мы с вами тоже — весьма смутно представляют настоящее, не говоря уже о будущем. А причина в том, что мы не помним прошлого. В 1796 году президент Джордж Вашингтон в прощальном послании сказал: «Нация, проповедующая по отношению к другой чрезмерную ненависть или чрезмерный восторг, в некотором роде находится в рабстве. В рабстве ненависти или обожания. И того и другого достаточно, чтобы увести ее от своего предназначения и своих интересов».

6 августа 1945 года — незаживающая рана на совести цивилизации, допустившей одно из самых бессмысленных и страшных преступлений XX столетия — атомную бомбардировку Хиросимы. С той поры, когда на месте многотысячного города остался обгорелый остов одного-единственного дома, минул 41 год. Сменяются поколения, заново отстроился сожженный дотла атомным смерчем город, на улицах которого, как и на улицах всех городов мира, сегодня бурлит жизнь, ходят влюбленные, но память о трагедии не умирает. Разная память.

Те, кто совершил злодейское преступление 6 августа 1945 года, и сегодня с упорством маньяков совершенствуют атомное оружие, хвастливо измеряя его мощь мощью адского взрыва над Хиросимой, помноженного в двадцать-тридцать раз.

Памятью о Хиросиме продиктован объявленный 6 августа 1985 года и неоднократно продленный до 6 августа года нынешнего мораторий Советского Союза на испытания ядерного оружия.

Разная цивилизация. Разная совесть. Разная память...

Стадс Теркел широко известен в США и за их пределами. Публицист, радиокомментатор, ведущий радиопрограммы «Стадс Теркел шоу», лауреат престижных премий по журналистике. Сегодня «Ровесник» предлагает вашему вниманию одно из радиовыступлений, прозвучавших в программе «Стадс Теркел шоу».

---

[1] *Американский дипломат и «советолог» в последнее время высказывался за реалистический курс во взаимоотношениях СССР и США; в период «холодной войны», будучи послом в СССР (1952 год), занимал враждебную Советскому Союзу позицию.*

А в 1953 году президент Дуайт Эйзенхауэр признал: «Каждая изготовленная пушка, каждый спущенный на воду военный корабль, каждая выстреленная в небо ракета обворовывают тех, кто голоден и не будет накормлен, тех, кто оборван и не будет одет. Этот вооружающийся мир пожирает не только деньги, но и пот рабочих, умы ученых, надежды детей».

На деньги с каждой непостроенной ракеты МХ три миллиона домохозяек в течение года в безбедности содержали бы своих чад и домочадцев. Если бы эта военная программа была отменена, в США не осталось бы голодных детей. Хотя конгресс, лишившись рассудка, одобрил программу, я накладываю свое вето. Чем набивать карманы захребетникам нации из Пентагона, я предпочитаю накормить ребенка. Чем больше бюджет Пентагона, тем меньше в стране рабочих мест. Бóльшую часть средств Пентагон тратит на новейшие, технически сложные виды вооружений вплоть до космических, используя при этом узкий круг специалистов, высококвалифицированные рабочие кадры. Так, миллиард долларов на военные нужды обеспечивает на десять тысяч меньше рабочих мест, чем миллиард долларов на мирные цели. А мы обязаны дать безработным работу.

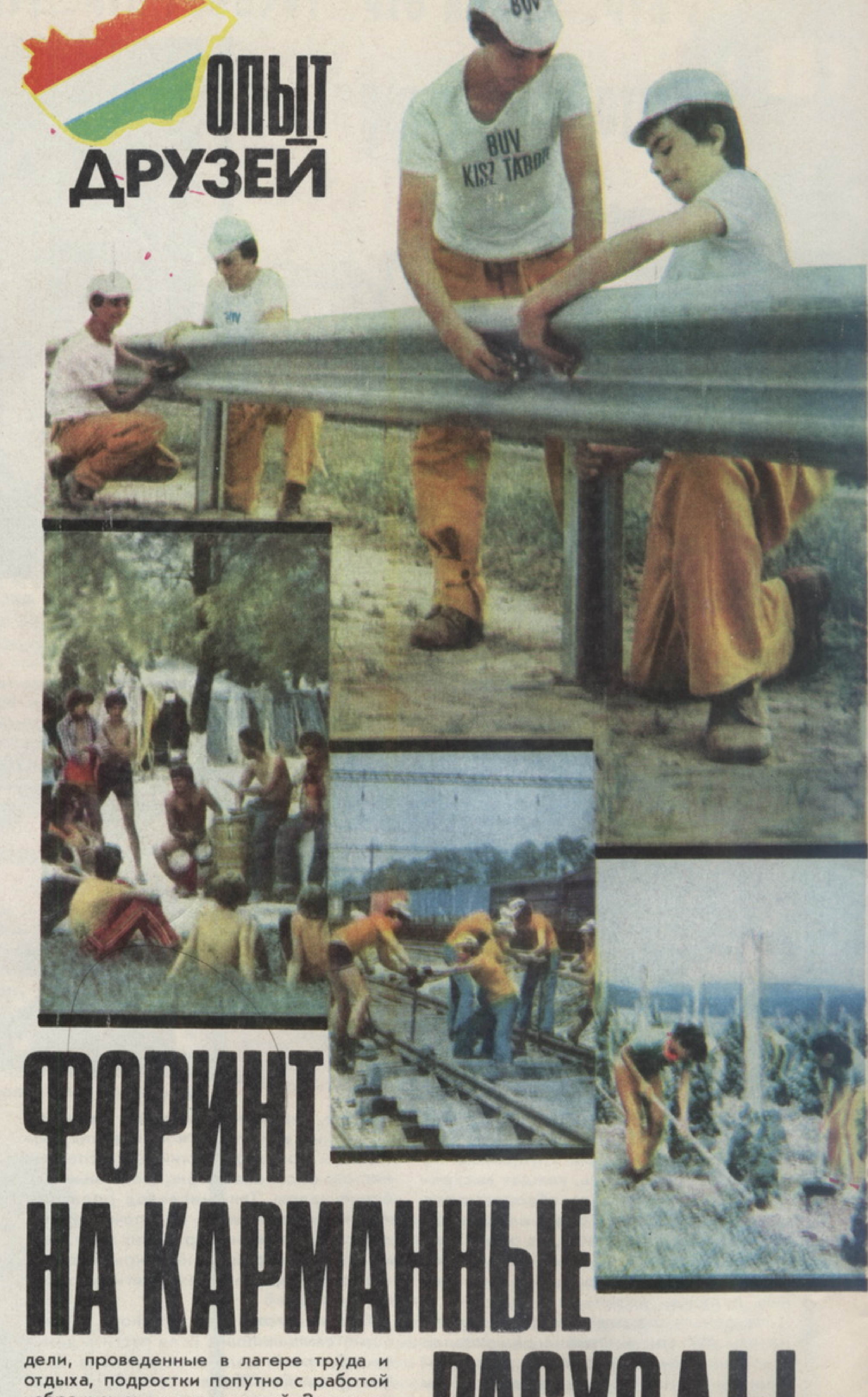
От испытательного ядерного взрыва остается лишь пшик. Если пустить деньги на мирные цели — есть школа. Есть больница. Есть библиотека. Есть парк. Чем меньше взрывов, тем больше людей вкладывают свой труд в дело жизни, а не смерти.

Нэнси Джефферсон, негритянка, рассказывала мне о своей жизни на маленькой ферме в штате Теннесси: «Там у нас был колокол. Мы звонили, когда случалась беда, а еще звонили, чтобы созвать на обед. Бывает, стоишь, дергаешь, дергаешь за канат, и кажется, особенно в плохую погоду, что этот колокол никогда не зазвонит. Так и в жизни. Все мы держим такой канат, он в кровь натирает руки, но мы должны это делать, у нас нет другого выбора, мы должны тянуть за этот канат, тянуть и тянуть, и, я уверена, тогда колокол зазвонит». Я тоже уверен.

Четыреста лет назад Галилей оспорил официальную догму. Глядя на небо в свой телескоп, он обнаружил, что Коперник был прав: Земля не является центром Вселенной, но лишь одной из планет Солнечной системы. Сегодня нечто подобное должны проделать мы.

Я жду вашего решения, дорогие радиослушатели. Как сказал Мартин Лютер Кинг, мы можем жить вместе как люди или погибнуть вместе как дураки. Нам выбирать. Я верю, что мы сделаем разумный выбор.

Перевел с английского
В. ГАВРИЛОВ

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

ФОРИНТ НА КАРМАННЫЕ РАСХОДЫ

Рядом с моим будапештским домом находится небольшой продовольственный магазин, продавцы и покупатели здесь знают друг друга в лицо и по имени, справляются о здоровье детей, о планах на лето, обмениваются парой слов о погоде и вчерашней телепередаче. Как-то я не застал на привычном месте знакомую продавщицу, с которой привык раскланиваться за эти годы. Вместо нее с молоком и кефиром бойко управлялся долговязый мальчуган в тщательно подогнанном по фигуре форменном халате. Через несколько дней весь наш квартал знал, что его зовут Петер, что только неделю назад и, между прочим, в основном с пятерками, он окончил первый класс гимназии (девятый класс по-нашему) и что вместе с тремя одноклассниками пришел сюда, чтобы подменить ушедших в отпуск продавцов.

Еще в мае в гимназию, где учится Петер, поступил список будапештских предприятий, готовых на время каникул предоставить работу школьникам и студентам. Речь шла в основном о тех предприятиях, где в летнее время остро ощущается нехватка рабочих рук, где производство носит сезонный характер, где пока еще не обойтись без ручного труда...

В том году только в Будапеште возможность поработать во время каникул получили около 15 тысяч учащихся. Организатор этой трудовой акции — столичный институт профориентации — не скрывает еще одной цели популярных среди подростков «рабочих каникул». Хотя для большинства ребят месяц, проведенный за прилавком или в цехе завода,— просто первый в жизни заработок, не исключено, что кто-то именно здесь выберет и свою будущую профессию. Во всяком случае, говорили мне в дирекции предприятий «Кёзерт», к ним относится и наш магазин, ныне среди продавцов немало тех, кто знакомился с азами этой работы во время школьных каникул.

Следует учитывать и реальную пользу труда подростков для народного хозяйства: за год 100 тысяч учащихся Венгрии отработали в общей сложности миллион четыреста с лишним тысяч рабочих дней. Так, уборка урожая фруктов держится в основном на студентах и школьниках. В кооперативе под Кечкеметом решили строить отношения с «шефами» из городских школ на долговременной основе. Вместо летнего лагеря для них возвели благоустроенный жилой корпус с клубными помещениями, с просторной столовой, со спортивными площадками.

Школьники помогают и в реализации выращенных в кооперативах ягод и фруктов. Торговые точки выносятся в самые бойкие места — в зоны отдыха, к проходным больших предприятий. В результате торговые издержки существенно снижаются. А это, в свою очередь, ведет к значительному снижению цен.

Кооперативы стремятся, чтобы за недели, проведенные в лагере труда и отдыха, подростки попутно с работой набрались сил и впечатлений. Завершает, как правило, каждую смену экскурсия, организованная хозяином лагеря. Через летние трудовые городки студентов и школьников проходят гастрольные маршруты популярных ансамблей. Из лагеря в лагерь перемещается передвижной салон-магазин молодежной моды.

Сергей **ДАРДЫКИН**, собкор «Известий» — для «Ровесника»

Летний труд в сельском хозяйстве дело сугубо добровольное — этого принципа и в школах и в вузах придерживаются неукоснительно. Но ныне организаторы летних трудовых лагерей столкнулись с новой проблемой: как удовлетворить заявки всех желающих. Приходится искать новые возможности для сочетания потребностей народного хозяйства с материальной заинтересованностью подростков.

Появилась, например, такая форма, как подростковые отряды по охране окружающей среды. Школьники занимаются расчисткой запущенных участков на побережье озера Балатон, приведением в порядок лесных насаждений и обочин дорог.

Ну а что происходит за рамками каникул? Есть ли у школьника или студента возможность (не стихийная, а упорядоченная) заработать на магнитофон или книги, модные туфли или пластинки, наконец, карманные деньги?

Несколько лет назад студент Веспремского института химической промышленности (ныне дипломированный инженер) Ласло Мадарас как бы в шутку предложил товарищам: если все равно некоторым из студентов приходится подрабатывать, почему бы не делать это организованно, не образовать нечто вроде институтского кооператива. Идею горстки энтузиастов поддержали в деканате, в комитете комсомола. К студентам присоединились молодые преподаватели. Так возник студенческий кооператив «Кемиден»: две первые буквы в названии содержат указание на химию, а остальные в переводе означают «все». Получается «Все, что связано с химией».

Правление кооператива предложило услуги химическому заводу «Нитрокемия». Было принято решение, что члены «Кемидена» будут выходить на смену по воскресеньям и в праздники в те цеха, где идет непрерывное производство.

Деятельность кооператива и по сей день связана с «Нитрокемией». Теперь уже нельзя пожаловаться на недостаток практики: профессиональная жизнь воспитанников вуза начинается на студенческой скамье, реальные условия настоящего производства — лучшая проверка деловых качеств его будущих командиров. Вместе с тем, оправдывая свое название, берется «Кемиден» и за другую работу — за составление химических реактивов, за ремонт приборов и оборудования... Есть и свои изобретения. Одно из них даже выставлялось на международной будапештской ярмарке.

«Кемиден» дорожит репутацией, новичков здесь отбирают придирчиво. После обязательного испытательного срока общее собрание голосует только за тех, кто может не краснеть за свою зачетку. Троечники «вылетают» из кооператива автоматически.

Понятно, что студенческие кооперативы, возникшие во многих вузах,— начинание полезное и нужное. А что могут школьники, которым едва исполнилось десять лет?

Оказывается, тоже очень многое. Чтобы убедиться в этом, я побывал в Сентлеринце, небольшом поселке на юге Венгрии, в восьмилетней школе, в которой недавно был создан известный теперь на всю страну школьный кооператив.

Представьте себе, например, обычную школьную мастерскую, которую здесь принято называть цехом. Так вот этот цех производит, например, детские строительные наборы, их можно купить в магазинах фирмы «Триал». Они были удостоены первого приза на всевенгерском конкурсе игрушек.

Теперь представьте себе полтора гектара пришкольного участка, с которого ребята собирают ежегодно десятки центнеров овощей, их хватает, чтобы обеспечить школьную столовую, снабжать четыре поселковых магазина и большой гастроном в Пече. Оставшийся после этого урожай поступает на консервный завод в соседнем Сигетваре.

Помимо деревянных игрушек, в школьных цехах делают футляры для различных значков и памятных медалей. От заказчиков нет отбоя: большая промышленность за столь кропотливую и малосерийную продукцию не берется. Между тем каждая выложенная атласом или бархатом миниатюрная коробочка дает кооперативу двадцать форинтов. В областной типографии купили списанную печатную машину, чтобы дополнительно выпускать учебные пособия, а заодно здесь печатаются пригласительные билеты и всевозможные бланки по заказам со стороны. Школьный киоск — тоже владение кооператива. Торгуют молоком и булочками из соседнего продовольственного магазина, карандашами и тетрадями из канцелярского... За прилавком и кассой — сами школьники.

Теперь давайте подсчитаем. Сто двадцать тысяч форинтов от реализации овощей, семьсот пятьдесят тысяч — выручка мастерских, еще сто пятьдесят тысяч — типографии. Отбросим расходы на закупку семян и рассады, на материалы — они школьному кооперативу достаются не даром. А куда расходуются четыреста пятьдесят тысяч чистой прибыли? Как распорядиться деньгами, решает правление — в его составе в абсолютном большинстве сами школьники. В этом году решено примерно треть прибыли пустить на строительство летнего лагеря отдыха. Двадцать тысяч форинтов — на культурные цели. Остальное, как и в предыдущие годы, постановили распределить между членами кооператива.

Крайне деликатная проблема — подросток и деньги. Одно дело — общественно полезный труд со школьной скамьи, совсем другое, согласитесь, когда к нему примешиваются еще и денежные расчеты. Нужно ли это? Хорошо ли это? Не повредит ли? Понятно, что такие вопросы возникали и когда было решено оплачивать труд школьников на уборке урожая, и когда возникла идея трудовых каникул и школьных кооперативов.

Энтузиасты организованного труда школьников против того, чтобы свести полезное для народного хозяйства дело только к материальной стороне, но они хотят, чтобы, помимо радости полезного труда, ребята узнавали бы цену и заработанному самостоятельно форинту. В настоящее время, как сказали мне во Всевенгерском совете потребительской кооперации, примеру сентлеринцского кооператива следуют больше трехсот школ.

В общем, школьники и студенты Венгрии приносят весомую, легко выражаемую в форинтах, пользу. Работают. А значит, и зарабатывают.

Печ — Сентлеринц — Кечкемет — Будапешт

КОММЕНТАРИЙ старшего научного сотрудника НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР, кандидата педагогических наук **В. В. ЖУКОВА:**

— Интересен опыт венгерских друзей, немало есть чему у них поучиться. Но и мы, как говорится, не лыком шиты. Есть у нас и школьные заводы с миллионными прибылями, и ученические производственные бригады — полноправные участники ВДНХ, есть и опыт проведения ярмарок солидарности, на которых ребята распространяют поделки собственного изготовления, а вырученные средства перечисляют в Фонд мира... Только вот беда: как только дело касается наличного рубля, честно заработанного школьником, то среди иных педагогов, производственников, родителей буквально начинается паника. Взрослые подчас проявляют чудеса изобретательности, стремясь оградить великовозрастных детей даже от самой минимальной экономической самостоятельности.

В одних школах, например, зарплату членов ученической производственной бригады, даже старшеклассников, получают родители, те, правда, тут же передают их ребятам. Но разве это не унизительно? В других школах средства, заработанные учениками, часто даже без их ведома перечисляются на счет школы или расходуются на текущие школьные нужды.

Как-то я побывал в такой школе, практикующей «безналичные» расчеты с учащимися, и расспросил нескольких ребят из 7—10-х классов, есть ли у них карманные деньги. Оказалось, есть у всех: у кого-то бренчало серебро, а кто-то не без гордости даже пошуршал «красненькой». Стали выяснять, у кого откуда. Оказалось: первый выклянчил у родителей, второй сэкономил

на завтраках, третий продал товарищу кассету, четвертый получил долг, пятый... пятый обобрал пятиклассника, пообещав ему «заступаться». «А хотели бы вы, ребята, сами зарабатывать себе на карманные расходы?» — спросил я. Захотели все, кроме одного — того, что продал кассету. Его приманить трудовым рублем будет теперь ох как непросто...

Чего же боятся взрослые? Ну, прежде всего того, что трудовые рубли будут истрачены в сомнительных целях. Во-вторых, можно ведь последовать той логике распределения зарплаты, которая родилась в опыте коммуны имени Дзержинского А. С. Макаренко. В коммуне на карманные расходы воспитанникам оставлялась сравнительно небольшая сумма. Часть остальных денег до выпуска откладывалась на их имя в сберкассу, а другая часть тратилась на разнообразные походы, экскурсии и пр. Понятно, впрочем, что такая практика может быть введена только с согласия каждого из ребят. Ну и, наконец, в-третьих, важно ведь не только дать школьнику заработать — важно параллельно воспитать у него культуру, да, да, культуру потребления, умение копить и умение разумно тратить заработанные деньги. Эта задача, может быть, еще эффективнее, чем в школе, решается в семье.

А теперь о том, чего на самом деле следует опасаться при виде денег в руках школьника. Прежде всего — его «опьянения» рублем, появления страсти к бесцельному, слепому накопительству. Думаю, об этом пространно распространяться не стоит: и так, наверное, все ясно. А вот о другом хотелось бы сказать подробнее. Школьнику не должно быть безразлично, как зарабатывает он рабочую копейку, какую работу выполняет.

Скажем, мастер на заводе объявил школьникам: «Вы, ребята, идите домой, а я скажу, чтобы вам в табеле рабочий день проставили...» Мастер отправил ребят домой, чтобы они не мешались под ногами, некогда ему с ними возиться, а не подумал, что для них это нравственный урон: они столкнулись с обманом.

Не менее значимо и ощущение ребятами общественной полезности своего труда. Скажем, старшеклассник торгует пивом в уличном ларьке. Или, как это делают пионеры многих лагерей на Черноморском побережье, помогает взрослым выращивать табак. Конечно, рабочие руки и здесь нужны. И все же... Пускай работу такого рода все же выполняют взрослые.

Ну а теперь, может быть, самая ценная информация — для актива ученических трудовых объединений, всех школьников, занятых общественно полезным, производительным трудом. Положение об оплате труда школьников в народном хозяйстве напечатано в журнале «Школа и производство», № 4 за 1985 год. А в шестом номере опубликовано разъяснение по его применению.

По соглашению между Министерством высшего и среднего специального образования СССР и министерством просвещения КНР мы были направлены на стажировку в Китайскую Народную Республику. Наша группа состояла из семидесяти молодых китаеведов, студентов, изучающих китайский язык, и нескольких специалистов по естественным наукам. Всех нас по интересам распределили в разные вузы Китая. Авторы этих строк попали в известные на всю страну учебные заведения: Пекинский университет и Китайский народный университет.

В первый же день, когда мы пошли погулять по территории Народного университета, мы заметили, с каким интересом смотрят на нас прохожие. Не прошло и десяти минут, как к нам подошли несколько студентов и обратились с вопросами. По-английски. Лет тридцать назад к иностранцу обратились бы скорее всего по-русски. Мы не удивились — знали, что отношения между нашими странами в последние десятилетия были совсем не простыми, тогда как раньше, после завершения в 1949 году народной революции, сотрудничество с Советским Союзом было дружественным и плодотворным. Теперь самый распространенный иностранный язык в Китае английский, русский же делит второе-третье места с японским. Угадывая, из какой страны вы приехали, случайный знакомый в поезде, магазине, на улице сначала назовет США и некоторые европейские страны и только потом произнесет слово «Сулянь» — «Советский Союз».

На снимке: студентки института традиционной китайской оперы рассказывают о своем искусстве советскому стажеру.

Между тем за прошедшие годы интерес к жизни в СССР, к русской культуре нисколько не ослабел, а даже усилился. Большой популярностью пользуется русская и советская литература. Не говоря уже о классиках — Толстом, Достоевском, Пушкине, Гоголе, Чехове, которые всегда были любимы в Китае, сейчас переводятся и издаются большими тиражами многие произведения советских писателей. Русской и советской литературе целиком посвящены три журнала. Китайский читатель знаком с творчеством практически всех наиболее известных наших писателей — от Паустовского и Пермяка до Распутина и Бондарева.

Все это мы узнали позже, беседуя с новыми знакомыми, которые изучают экономику, историю и литературу нашей страны. В Народном университете есть факультет Восточной Европы и Советского Союза. Маленькая делегация студентов и аспирантов этого факультета спустя несколько дней после нашего приезда в Пекин пришла познакомиться с нами.

Ребята приглашают нас поехать на следующий день посмотреть главную достопримечательность Пекина — императорский дворец Гугун.

— У вас есть велосипеды? — спрашивают они.

— Пока нет.

— Обязательно купите.

КИТАЙ: БЕСЕДЫ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

А. ДИКАРЕВ, А. ЛУКИН
Фото А. ЛУКИНА

Узнаем, что только в одном Пекине три миллиона велосипедов, и число их продолжает расти. По узким улочкам автомобилю порой проехать не так-то просто, езда напоминает слалом между велосипедистами. Вскоре мы сами убедились, насколько удобен и полезен для здоровья этот вид транспорта.

А что делать сегодня? Сидеть в комнатке не больше вагонного купе неудобно, да и не хочется: на дворе солнечный сентябрьский день. Возникает идея провести импровизированную экскурсию по территории университета. Мы просим новых знакомых побольше рассказать об этом, одном из крупнейших в стране вузов.

В Китайском народном университете более 3 тысяч студентов и 15 факультетов, где в общей сложности работают 1300 преподавателей. Один преподаватель на 3—5 студентов — таково соотношение по стране в среднем. Это свидетельство не избытка преподавателей, но нехватки студентов. Ведь во время «десятилетия великих бедствий» (так называют в Китае теперь период с 1966 по 1976-й — годы так называемой «культурной революции»), многие из тех, кто хотел бы стать студентом, не ходили в школы: вне образования оказалось целое поколение.

Мы узнали, что за 1979—1983 годы вузы выпустили 2330 тысяч специалистов (в 2,5 раза больше, чем за период с 1966 по 1978 год). И все же по количеству студентов республика еще сильно отстает от развитых стран. На каждые 10 тысяч человек в КНР приходится 11 студентов, тогда как в СССР и Японии — свыше 180. Такое положение серьезно беспокоит руководство страны, которое считает необходимым окончательно отойти от порочной практики «культурной революции». Тогда главным критерием отбора специалистов были отнюдь не знания, а «революционность». Теперь, по словам китайских руководителей, развитие системы образования, способность Китая подготовить сотни миллионов (при населении свыше миллиарда) квалифицированных кадров станет непременным условием реализации программы «четырех модернизаций» (промышленности, сельского хозяйства, науки и техники, обороны). Цель этой программы — приближение по важнейшим экономическим показателям к уровню развитых стран.

— А как становятся в Китае студентами? — прерываем мы рассказ, грозящий превратиться в лекцию.

— Стать студентом совсем не просто. В вузы стремятся очень многие, ведь их выпускникам гарантируется распределение, при безработице, которая еще сохраняется в Китае, это немаловажно.

В 1977 году,— говорят наши собеседники,— восстановлена система вступительных экзаменов. Впервые получили право поступать в вузы без стажа работы и выпускники средних школ. После окончания последнего класса желающие сдают вступительные экзамены прямо в школе. Затем абитуриенты со всей страны, набравшие определенную сумму баллов, распределяются по вузам республики. Абитуриент заранее не знает, в каком вузе и в каком городе он будет учиться. Получившие лучшие оценки распределяются в Пекинский университет, затем в Шанхайский университет, Китайский народный университет и так далее.

— А что, до 1977 года экзаменов не было?

— Нет, экзаменационные сессии были, но против них долго боролась «левая» группировка в руководстве, считавшая, что они якобы ведут к засорению рабочей интеллигенции буржуазными элементами.

В связи с этим вспоминаем имя противника экзаменов Чжан Тешэна.

— Вам оно знакомо? — спрашиваем мы.

— Еще бы. Он демонстративно сдал на экзамене чистый лист бумаги, а потом печать превозносила его как героя. «Культурная революция» нанесла серьезный удар по системе образования. Долгое время вузы практически бездействовали, многие преподаватели либо занимались «физическим трудом» где-нибудь в отдаленной деревне, либо сидели на бесчисленных собраниях, где «прорабатывали» одного из их товарищей, либо были репрессированы. Особенно пострадали преподаватели русского языка. Например, одна из преподавательниц, которая сейчас занимается с нами русским языком, подверглась критике за то, что на уроке литературы изучала со студентами рассказ Л. Толстого «После бала». Ее обвинили в том, что она призывала студентов веселиться и танцевать, отвлекая от «борьбы», причем, как вы понимаете, выводы были сделаны только на основании названия рассказа, в содержание никто не вникал.

Сейчас времена изменились. Преподаватели оцениваются по профессиональным качествам, а студенты — по результатам экзаменов, оценки выставляются по стобальной системе. Недавно администрации вузов предоставлено право принимать абитуриентов с относительно высокими оценками за время учения в школе, даже если на вступительных экзаменах они не набрали «проходной» балл. Кроме того, идет экспериментальная проверка так называемой «системы рекомендаций». Ее суть в том, что преимущество при зачислении в вуз получают те, кто уже зарекомендовал себя в сфере своей будущей деятельности...

Китайские студенты с большим интересом выслушивают наш рассказ о системе приема в советские вузы. Затем разговор переходит к проблемам народного хозяйства. И сразу же в речи наших собеседников звучит слово «реформа». Мы уже много читали и слышали об экономических реформах в Китае. После 1978 года в сельском хозяйстве в несколько этапов были ликвидированы так называемые «народные коммуны» с их уравнительным распределением и введена система семейного подряда. Реформы проводятся и в промышленности. Их основное направление — бóльшая хозяйственная самостоятельность предприятий и местных органов управления, использование, до определенных пределов, механизмов рыночного регулирования при сохранении ведущей роли центрального планирования в базовых областях народного хозяйства.

«Реформа» здесь сегодня одно из самых популярных слов. Проводится она, как мы убедились, и в системе высшего образования. Ее основной лозунг — соединение образования с производительным трудом.

— Причем стараются использовать наши знания, а не мускулы,— говорят ребята.— Некоторые студенты принимают участие в разработке сложных технических проектов совместно с конструкторскими бюро заводов. Другие составляют и читают курсы для рабочих на подшефных предприятиях. А мы участвуем в переводе с иностранных языков учебных пособий.

Кроме того, администрация вузов призывает студентов давать частные уроки. Многие нанимаются в свой же университет уборщиками мусора, судомойками, продавцами. Труд во внеурочное время обеспечивает существенную прибавку к стипендии.

— А велика ли стипендия? — спрашиваем мы.

— Да нет, конечно, от восьми до 24 юаней.

(Средняя зарплата рабочих и служащих в Китае в 1984 году составляла 80 юаней. Выпускник вуза в Пекине получает 54 юаня. 4 юаня по официальному курсу приблизительно равняются 1 рублю.)

— А почему такая разница? Кому 8, кому 24?

Оказывается, при назначении стипендии учитываются доходы родителей. По нашей просьбе ребята вспоминают, как они сдавали вступительные экзамены. Все обычно, кроме, пожалуй, сочинения. Оно мыслится как эссе на свободную тему, в котором абитуриент должен продемонстрировать эрудицию, грамотность, умение владеть словом.

Нам навстречу то и дело попадаются военные, многие с женами, с детьми. Похоже, здесь квартирует какая-то воинская часть...

— Да,— отвечают нам,— воинская часть расположена по соседству, а на территории университета все еще много бараков, где живут семьи военных. Они заняли это место в конце «культурной революции». Снести бараки не так-то просто. Жилищная проблема одна из острейших.

Мы уже догадываемся, что наша комнатка-купе, показавшаяся нам поначалу более чем скромной, по здешним меркам просто шикарна. Всех студентов-иностранцев расселяют в специально оборудованных общежитиях: по два человека в комнате, отдельная столовая, горячая вода на этаже 2—3 раза в день.

— А как живете вы?

— Пойдемте посмотрим...

Заходим в одно из невзрачных серых зданий. В студенческих комнатах невообразимая теснота: «коммуна» из восьми-десяти человек, кровати в два-три этажа. У ребят нет не только стола, но даже тумбочки. Книги лежат прямо на кроватях.

— Где же вы занимаетесь?

— Обычно в библиотеке.

В университетской библиотеке несколько залов: газетный, журнальный, зал для аспирантов, зал для преподавателей. Здесь же каждый факультет имеет свою собственную лабораторию-кабинет с необходимой литературой и оборудованием. Мест, правда, иногда не хватает, и многие занимаются прямо на улице.

В институтах и университетах выходят журналы, сборники, брошюры, где публикуют работы студенты и аспиранты. Свои издания имеют отдельные кафедры и студенческие научные общества, которых в каждом университете несколько десятков; научно-исследовательские институты, причем не только в столице, также имеют свои журналы.

В залах библиотеки — привычная картина: склоненные над книгами головы. На полках изобилие китайской периодики. В 1982 году выходило 476 наименований газет. Их число постоянно растет. Многотиражные же газеты вообще не поддаются никакому учету. Мы знали, конечно, что Китай переживает информационный «бум», но не представляли себе его масштабов.

В течение многих лет китайская молодежь была оторвана от достижений зарубежной, да и своей собственной культуры. «Красная книжечка» цитат из трудов «великого кормчего» считалась вполне достаточной для удовлетворения всех духовных потребностей. Теперь фонды библиотек постепенно восстанавливаются. Но многие редкие книги безвозвратно утеряны, некоторые приходится искать в подвалах университетских книгохранилищ, куда были в беспорядке свалены как «феодальная и буржуазная зараза» бесценные труды ученых старого Китая. Теперь многие такие книги переиздаются массовыми тиражами и за ними выстраиваются длинные очереди.

Рядом с библиотекой промтоварные и продовольственные лавки. На территории любого китайского университета расположено все, что необходимо для жизни: студент получает возможность не тратить времени на бытовые проблемы. Мы рассказываем, что новое здание Московского университета также проектировалось с таким расчетом, чтобы студент мог жить, почти не выходя в город.

Центральную часть университетской территории занимают спортивные площадки. Прямо у входа футбольное поле, не засеянное травой. Добросовестные игроки вздымают тучи пыли, которой и без того хватает в Пекине, открытом для северо-западных ветров, несущих песок из пустыни Гоби. Любимые игры — баскетбол и волейбол. С откровенной гордостью китайцы говорят о своей женской волейбольной команде, бесспорно, сильнейшей в мире. Волейболистки сборной КНР пользуются в стране большим почетом.

Утром на спортивных площадках проходят уроки физкультуры, а вечером здесь тренируются члены спортивных секций бок о бок с энтузиастами в обычной одежде. На свободном пространстве между немногочисленными деревьями расчерчивают площадки любители бадминтона. Похоже, что в бадминтон и настольный теннис умеют играть все без исключения.

— Пожалуй, это так,— соглашаются наши знакомые.— Но, видите, спортивного оборудования у нас еще не хватает: в настольный теннис многие играют прямо на земле через доску.

А вот и необычное зрелище — группа студентов в тренировочных костюмах выполняет какие-то замысловатые упражнения со сверкающими на солнце алюминиевыми мечами.

— Это репетиция художественной самодеятельности?

— Нет,— смеются наши спутники.— Это ушу — своего рода художественная гимнастика с традиционными видами оружия: копьями, мечами.

Упражнения ушу чрезвычайно популярны. Их разучивают на уроках физкультуры в школах и университетах, по ушу проводятся общекитайские соревнования, а чемпионы страны по этому виду спорта в популярности соперничают с волейболистками и известными киноактерами.

В перерывах между лекциями и вечером многие студенты занимаются особым видом ушу — гимнастикой тайцзицюань. Это медленные ритмичные упражнения. Нас дружно уверяли, что они лучше снимают усталость, нежели привычные нам движения, рекомендуемые европейской гимнастикой.

Уже половина двенадцатого. В учебных корпусах и в библиотеке звенят звонки. Начинается обеденный перерыв, а после обеда — в буквальном смысле слова «мертвый час». Очень многие китайцы имеют привычку спать днем. Для нас поначалу такой распорядок был необычен, но потом мы убедились в рациональности «сиесты» в местном климате.

— Соблюдайте режим дня,— не раз говорили нам.— Это залог хорошего самочувствия и долгой жизни.

Мы верим. Ведь средняя продолжительность жизни в Китае ныне на уровне развитых стран — 69 лет.

— А каковы перспективы выпускников? — продолжаем мы свои расспросы.

— После университета мы можем пойти работать по распределению или поступить в аспирантуру и в дальнейшем заниматься научной работой. Но в аспирантуру сейчас большой конкурс, много желающих. Распределение у нас на всю жизнь, перейти с одной работы на другую можно лишь с разрешения руководителей обоих ведомств. Впрочем, в последние годы в этом отношении становится все более свободно.

— С чем связаны такие изменения?

— Вы приехали совсем недавно,— отвечают наши собеседники,— и наверное, еще не совсем почувствовали глубину и значение происходящих перемен. Благодаря реформам в промышленности и сельском хозяйстве у нас значительно увеличилась потребность в квалифицированных специалистах, владеющих иностранными языками, особенно в экономике, управлении производством, технике. По всей стране известен высокий уровень преподавания в нашем университете, и многие зовут наших выпускников на работу. У нас были и такие случаи:

студенты ездили на каникулы в родной город, и руководители местных предприятий уговаривали их остаться, обещая обеспечить хорошим жильем, послать на учебу за границу.

— Это возможно?

— Не так давно у нас было разрешено обучаться за границей за свой счет. Командировать на учебу могут также различные учреждения и предприятия. Специалисты с хорошим знанием иностранных языков и экономики особенно нужны там, где установлены зарубежные связи, особенно в так называемых «специальных экономических зонах», где расположено основное число смешанных и иностранных предприятий.

— Мы понимаем,— говорят наши собеседники,— что учиться в университете — большое преимущество: работа гарантирована и место можно выбирать в зависимости от оценок. Но некоторые считают, что наша жизнь слишком тяжела: чаще всего вдали от родного дома, в скромных условиях. Студентам у нас нельзя жениться, так как считается, что это мешает учебе...

Из окна несутся звуки диско. Спутники говорят нам, что еще год назад такая музыка критиковалась, но теперь ее распространение даже поощряется китайским комсомолом, по всей стране создаются диско-клубы и кружки по обучению современным танцам.

Наступает время обеда. Мы прощаемся с новыми друзьями до завтра. Ребята достают магнитофонную кассету с фонограммой фильма «Москва слезам не верит» и просят записать пока еще плохо понятные им на слух слова песни «Александра».

Не было, пожалуй, ни одного человека из тех, с кем мы общались, кто бы не посмотрел этот фильм. Два раза его показывали по китайскому телевидению. Все наши собеседники отзывались о нем с искренним восторгом. «Наконец-то мы узнали,— говорили нам,— чем и как жили советские люди в 70-е годы, когда отношения между нашими странами были натянутыми, а обмен информацией практически отсутствовал». Видя такой интерес к нашему киноискусству, мы пытались было говорить и о том, что не все в этой картине нам нравится, но быстро убедились в преждевременности такого разговора. Китайцам пока не с чем сравнивать. В кинотеатрах с большим успехом идут старые советские фильмы «Полосатый рейс», «Алые паруса», а соглашение о закупке партии новых фильмов было заключено совсем недавно (среди них «Экипаж», «Вокзал для двоих»).

...Много нового удалось нам узнать за время стажировки. Личные впечатления не заменишь никакой, даже самой исчерпывающей информацией. Самое же интересное—это встречи с людьми, беседы с ними. Главный же смысл нашей поездки мы видим в том, что она стала еще одним шагом к восстановлению добрососедских отношений между нашими странами.

ИНТЕРВЬЮ С «КОНТРАС»

Дитер ЭЙХ,
западногерманский социолог,
Карлос РИНКОН,
колумбийский журналист

Антиникарагуанские силы «переживают кризис» — так утверждают западные дипломаты в Гондурасе и его официальные представители. Только за первые три месяца этого года из рядов «контрас» дезертировало около 10 000 человек. Причины такого падения боевого духа (их опять-таки называют официальные представители Гондураса, где базируются основные силы «контрас») следующие: с одной стороны, полное отсутствие моральных и политических стимулов не только среди обычных повстанцев, но и в самом руководстве, с другой — явные успехи никарагуанской революции, всенародность отпора контрреволюционерам. Свои катастрофически редеющие боевые ряды лидеры банд пытаются пополнить за счет захваченных в плен никарагуанских подростков. Каковы плоды такой тактики, свидетельствуют публикуемые ниже показания двух никарагуанских подростков, бывших «контрас».

Жозе Аквилиано Сармиенто МАРТИНЕС: «7 марта в полдень я и еще несколько ребят пошли в поле за деревней. Наша деревня Антигуа. Мы сидели под деревом и разговаривали — вдруг нас окружили вооруженные люди. «А, попались»,— сказал один из них. Они схватили меня и еще двух мальчишек и повели куда-то. Мы все шли и шли, а они твердили: «Будешь делать, как говорят — не пожалеешь. Мы воюем за свободу, у нас не хватает людей. Но можешь не сомневаться, победим мы. А сандинистам мы еще покажем».

Короче, я понял, что попал в плен, и меня прямо-таки распирало от любопытства. У них был такой вид: все обвешаны оружием, все в ботинках. Сказать по правде, это произвело на меня впечатление. Не то чтобы я верил, что они за свободу. Нет, совсем не верил, а так, шел и даже не пытался сбежать. Мне было жуть как интересно.

Мы переночевали на какой-то заброшенной ферме, а утром вышли к шоссе на Пуэбло-Нуэво, где они захватили еще двух мальчишек. Тоже деревенских. Потом мы наткнулись на отряд сандинистов, началась перестрелка. Двое из пленных в суматохе сбежали. А мы все еле ноги унесли».

Маурицио Санчес ГАРСИА: «В нашей деревне особо не разживешься, и я сказал маме, что пойду в кооператив «Провиденсиа» убирать кофе. В воскресенье я туда пришел, а в понедельник вышел на работу. Я даже помню число — 16 февраля. Поместили нас, сборщиков кофе, в одном общем доме. Посреди ночи вдруг загрохотали в дверь. Слышу сквозь сон: «А ну, вставай, а то пулю в лоб». Вооруженные люди вломились к нам и вытряхивали всех из постелей. Потом вытолкали на улицу и повели. До рассвета мы просидели в каком-то заброшенном доме, потом пошли в сторону гондурасской границы. Солнце подня-

лось высоко, а мы все шли и шли, продираясь сквозь горные заросли. Где, точно не знаю, мы пересекли границу и пришли в лагерь Ла Лодоса».

Жозе МАРТИНЕС: «Когда мы перешли границу, они сказали: «Вот мы и дома. В безопасности. Это Гондурас». Команданте Мак, самый главный, приказал человеку по кличке Калладито (Тихоня.— Р.) обучить всех захваченных в плен мальчишек обращаться с оружием. «Вот тебе еще мальчики,— сказал он,— надеюсь, ты с ними поладишь».

В первый день мы собирали и разбирали автоматы и пулеметы американского производства. Я никогда еще не держал в руках такого оружия, и мне было интересно. Потом начались тренировки: мы бегали и бегали, вверх-вниз, вверх-вниз. Это в нас вырабатывали выносливость. Так нас держали больше месяца.

Однажды Эль Григео (Грек.— Р.), командир одного из отрядов, действовавших на территории Никарагуа, вернулся в Гондурас за пополнением. «Собирайтесь,— сказал он нам,— пойдете со мной». Нам выдали новую форму, новые ботинки, и мы пошли. Где-то в горах перешли границу.

Сначала мы ничего не делали, только прятались. Иногда нас посылали завербовать кого-нибудь из местных, но никто не хотел иметь с нами дело. Мы пошли назад в Гондурас, но попали в засаду сандинистов.

Они залегли в горах, а мы как раз переходили шоссе неподалеку от Сан-Фернандо. Там многих из отряда подстрелили, но времени похоронить их у нас не было, там, на шоссе, мы мертвых и оставили.

Вернулись в Гондурас. Некоторые читали Библию, а я постирал форму и сам помылся. Весь день в лагерь шли мулы, груженные провизией, амуницией, американскими гранатами и минами. А к вечеру нам сказали, что мы возвращаемся в Никарагуа, и раздали сухой паек на четыре дня.

Всего нас набралось четыреста сорок пять человек. На всех синяя форма. Очень красивая. Но когда наденешь, почему-то расползается на плечах. Мы разделились на отряды и двинулись.

Наш отряд осторожно, опасаясь засады, тайными тропами шел параллельно границе. Никто из нас не знал ни куда мы идем, ни с какой целью. Но потом один из нас, Пиджул, вдруг додумался: «Вот дьявол! Могу спорить, мы идем на Окоталь».

Еще не рассвело, где-то лаяли собаки, и тут Эль Григео сказал: «После боя встречаемся на этом месте». Да, мы шли на Окоталь.

Мы услышали выстрелы, но никак не могли понять, откуда стреляют. Кто-то сказал, что, наверно, с холма впереди, и мы наугад стали палить по холму.

Видно, в городе шел бой, мы слышали, как Эль Григео что-то орал в мегафон. Но, насколько я могу судить, его отряд не получил никакой поддержки от населения, и все бойцы разбежались.

Потом мимо нас двое мальчишек пронесли самого Эль Григео. Ему прострелили обе ноги. Нам и в голову не приходило, что сандинисты будут преследовать Эль Григео. Но именно так и было. Нам отрезали путь к отступлению и стали поливать свинцом. Что тут началось. Жуткий хаос. В нас стреляли со всех сторон, а мы бежали к реке, не соображая, что делать. Многие были убиты. Тут я услышал: «Вон там еще с десяток этих синих подонков», и следом: «Эй, сдавайтесь!» От страха я выпрыгнул из кустов и рванулся к реке, и вдруг ногу словно током прошило. Я выбросил все, что тащил на себе,— автомат и ранец, и гранаты, и даже тот красивый нож, который я снял с одного убитого. Я упал и так и лежал, уткнувшись лицом в грязь, и думал: «Все. Конец». Подошли сандинисты: «Посмотрите на него, совсем мальчишка,— сказал кто-то.— Попался бы ты в руки моей бабушке, выпорола бы она тебя, и только».

Они подняли меня, усадили на сухое место и стали спрашивать: собирались ли мы захватить Окоталь или только атаковать? «Конечно, захватить»,— сказал я. «Но это безумие»,— сказали они. И это правда: сандинистов поддерживало все население.

Меня отвезли в Окоталь, в больницу, а потом — в военный госпиталь в Манагуа».

Маурицио ГАРСИА: «Я тоже там был при нападении на Окоталь. Но я все время прятался. До этого я ни разу не участвовал в бою и ничего не понимал, что происходит. Мне было очень страшно. «Вперед! Вперед! Стреляй!» Куда, в кого? Я прижался к стене и думал, скорей бы все кончилось. Я бросил автомат и побежал по улице. И оказалось, мы все бежали, и в нас стреляли со всех сторон. Я снова прижался к стене и боялся пошевелиться. Кто-то из мальчишек, таких же, как я, как мешок с маисом, рухнул рядом. Я испугался и побежал, а когда перепрыгивал через кочку, что-то садануло меня в бедро. Я упал и так и лежал под манговым деревом. А рядом лежал убитый. Я узнал Мигеля.

Я потерял много крови и был почти без сознания, когда услышал: «Эй, мальчик, руки вверх!» Но тут сандинист увидел, что я без оружия, и подошел ко мне. Он спросил, могу ли я идти. Я сказал, что нет. Меня положили в пикап и доставили в больницу Окоталя. Там мне сделали операцию, потом на машине «скорой помощи» повезли в военный госпиталь в Манагуа. Я никогда не был в Манагуа и думать не гадал, что впервые увижу столицу из окошка кареты «скорой помощи».

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

Уже за несколько веков до нашей эры древние мореходы поднимали над своими судами паруса из ткани и камыша, бамбука и пальмовых листьев. Они стремились добиться наивысшей скорости, чтобы быстрее доставить груз, догнать убегающего врага, спастись от опасности... Вся история судостроения связана с поисками решений максимального использования силы ветра.

А вот картина наших дней. На побережье океана, там, где бушует прибой, спортсмен, отплыв подальше от берега, выбирает самую большую волну. Разгоняет вплавь на первый взгляд обычную доску по наклонной стороне волны. Затем лежа, сидя или балансируя в полный рост, спускается на доске с водяной горки. Зрители с берега восхищаются его ловкостью и завидуют... Еще бы, покорить океан, оседлать океанскую волну, заставить ее нести себя с громадной скоростью!.. Это серфинг.

Он, к сожалению, доступен лишь жителям океанских островов и побережий да горстке богатых, которые могут позволить себе прокатиться на дорогостоящей бальсовой или пластиковой доске у Гавайских островов... Серфинг так же дорог и недоступен жителям глубинок, как и крейсерские гонки на парусных судах.

Хоэл Швейцер, специалист по радиоэлектронике, и Фрейд Пейн случайно встретились в конце шестидесятых годов. Один из них бредил океанскими гонками на крейсерских яхтах, другому не давала покоя мечта промчаться на серфинге по волне прибоя. Они без конца чертили различные варианты парусников и досок для серфинга, и все их замыслы оставались на бумаге. У обоих не было денег.

Теперь уже трудно определить, кому из них первому пришла счастливая мысль установить на доску для серфинга небольшой парус. Набросав предварительные эскизы, друзья энергично взялись за дело. Сразу возник вопрос, из каких материалов сделать доску. Остановились на стеклопластике. Они обтянули его стеклотканью, пропитанной в смоле. Такая конструкция оказалась вполне приемлемой для обеспечения прочности. Затем Швейцер и Пейн установили на доску мачту и парус. И минишвертбот торжественно был спущен на воду. Но... изобретателей ждало разочарование: управлять стоя этим минисудном оказалось практически невозможно — попробуй удержи равновесие на доске шириной около семидесяти сантиметров, когда обе руки заняты румпелем и шкотами. Если же рулевой садится на доску — всякое сходство с серфингом окончательно теряется. «Зачем нужна такая «яхта»? Чтобы сидеть в луже?» — подвели итог свидетели неудачного испытания.

Однако неудачники не пали духом и решили воспользоваться известным правилом всех изобретателей: попробуй наоборот! Если нельзя использовать рулевое устройство, то надо просто отказаться от руля. Идея (сама по себе до-

БЕГУЩИЕ ПО ВОЛНАМ

вольно смелая) поставила перед изобретателями новую проблему: если нет руля, то как тогда управлять доской? Неужели оригинальный парусник ждет незавидная судьба — плыть туда, куда гонит ветер?

А что, если поставить мачту не вертикально, а дать ей возможность вращаться вокруг своей оси и наклоняться во все стороны больше, чем на 90 градусов? Мачта с парусом может даже лечь на поверхность воды. Эта особенность паруса сразу придала сооружению необыкновенную маневренность. Отсутствие руля, мачта, укрепленная шарниром, рулевой, стоящий на чуть выступающей из воды узкой и длинной доске — вот оригинальное устройство, изобретенное Швейцером и Пейном. С одной стороны, это — парусник, с другой — это серфер, узкая доска, на которой удержать равновесие стоит большого труда. Человек стал как бы составной частью судна. Именно он вместо тросов и креплений удерживает мачту от падения.

Этот спортивный снаряд был назван изобретателями виндсерфером, что в переводе с английского означает серфинг на ветру.

Друзья обеспечили себе воскресное развлечение, но они и не подозревали, что выпустили джинна из бутылки. Изобретение заинтересовало сначала соседей, а затем любителей водного спорта из других городов. У всех одна и та же просьба: где купить виндсерфер. Пришлось налаживать производство. Вскоре была организована небольшая верфь по выпуску виндсерферов. В конце шестидесятых — начале семидесятых годов увлечение парусными досками приобрело небывалый размах. Десятки названий, сотни модификаций парусных досок наводнили рынки всего мира.

Любители водного спорта сразу же оценили преимущества парусной доски даже перед самой маленькой яхтой или швертботом. Небольшой вес и ширина в 70 сантиметров позволяют перевозить на крыше автомобиля сразу несколько досок. Не существует и проблемы зимнего хранения досок: в квартире на антресолях, за шкафом или, на худой конец, на балконе. Вес, не превышающий 25 килограммов, позволяет одному человеку без посторонней помощи уложить доску на крышу автомобиля либо внести по лестнице в дом. И главное — цена этого мини-швертбота вполне доступна.

Число почитателей нового вида спорта растет с космической скоростью. Более 10 миллионов человек во всем мире занимается ныне виндсерфингом. Годовой выпуск парусных досок приближается к 200 тысячам штук.

Спортсменов привлекает ни с чем не сравнимая возможность оторваться от поверхности воды и промчаться над волнами в свободном полете. Это единственное парусное судно, которое может, подобно летучей рыбе, взмыв с крутого склона волны, пролететь в воздухе около десяти метров. Наиболее искусные спортсмены-прыгуны поднимаются на парусной доске в воздух на 2—3 метра. Недалек тот день, когда на этом паруснике будут делать в воздухе мертвую петлю.

Международный олимпийский комитет оценил демократичность и спортивную привлекательность гонок на парусных досках. Инвентарь для проведения соревнований самого высокого ранга можно выдавать напрокат, и нет смысла тащить за тридевять земель совершенно одинаковые доски. В конце концов, можно разыграть парусные доски по жребию. Таким образом устраняется преимущество, скажем, в парусном спорте более состоятельного яхтсмена, который может заказать самую современную конструкцию.

Для виндсерфинга от спортсмена требуются самые разнообразные, порой даже взаимоисключающие качества. Рулевому необходимо обладать чувством равновесия — попробуй удержаться на скачущей по волнам, временами взлетающей в воздух, узкой и скользкой доске. Налетевший шквал может повалить мачты даже на солидном корабле. Что же говорить о парусной доске? А ведь на ней мачта укреплена на шарнире, и держит ее в руках спортсмен — значит, руки его должны быть сильнее канатов. И это еще не все, надо уметь вести гонку, зорко следить за действиями соперника, без каких-либо приборов вычислять самый выгодный курс своего судна и следовать ему. Надо иметь тончайшее «чувство ветра», ухитряться угадывать малейшее изменение его направления и силы. Таким образом, серфингист должен обладать силой штангиста и ловкостью акробата. Ему необходима отличная тактическая подготовка для владения всеми приемами парусных гонок.

Есть в этом виде спорта свои рекорды и рекордсмены. Но для большинства серфингистов катание на узкой парусной доске — просто чудесный отдых и развлечение на воде. У нас в стране несколько судоверфей выпускают парусные доски. Это, в частности, объединение «Море» в Феодосии, которое делает лучшую советскую модель «Мустанг».

Все больше парусов появляется на водохранилищах и водоемах вблизи крупных городов. Бегущие по волнам отправляются в очередное увлекательное путешествие. Пожелаем им удачи!..

Милана ЗОТОВА

Пьер ДАНИНОС,
французский писатель

СНОБИССИМО

У снобов есть та особенность, что они замечают друг друга уже издали, но не узнают себя даже вблизи. Ни один человек никогда не признается вам:

— Я сноб!

Зато вы встретите десятки снобов, которые будут говорить про остальных:

— Это великие снобы!

Или:

— Мы с ними больше не общаемся, они такие снобы.

Я даже на секунду не поверю тому, кто мне скажет:

— Я даже вот на столечко не сноб.

«На столечко» — это, может быть, и правда, только у подобных людей «столечко», как правило, такое большое!

Правда в том, что снобы есть везде. Возьмем, как положено, премьеры, концерты и просмотры.

Что здесь? Здесь женщины, которые хотят «быть в курсе» и теряют всякий интерес к жизни, если на следующий день после представления, где их не было, читают в газете: «На концерте присутствовали самые красивые дамы Парижа».

Здесь замшелые писатели, забытые сочинители, кинорежиссеры, которые все «никак не могут достать пленку», и все они кидаются в гримерную к знаменитости с тайной надеждой напомнить о себе прессе.

Здесь те, кто, заметив, что фоторепортеры их не «сняли» в тот момент, когда они поднимались по лестнице Гранд-опера между двумя шеренгами национальных гвардейцев, через двадцать минут снова повторяют свой выход, пристраиваясь, чтоб уж наверняка попасть в объектив, к Софи Лорен, Брижитт Бардо или еще к какой знаменитости.

Батюшки святы, сколько ж народу, разодевшись в пух и прах, бегут сначала поздравлять артистов, потом в какой-нибудь ночной клуб, а к девяти утра следующего дня они снова должны быть на ногах и продолжать эту жизнь, про которую сами говорят: «Париж убийствен!» Так и хочется спросить, а когда же эти господа занимаются делом? Те, кто регулярно осчастливливают своим присутствием вечерний Париж, без сомнений, никак не укрепляют его — или свою — репутацию там, где это как раз необходимо. Не правда ли, это в лучших традициях снобизма?

Здесь и те, кто, затаив обиду на то, что его не пригласили на премьеру, выдает свои слабости:

— Я предпочитаю ходить на спектакли вместе со всеми, давая понять, что они никак уж не относятся ко «всем», однако не чураются быть среди «всех», чтобы изучать их реакцию.

Здесь и уже упомянутые «все», которые, в своем роде, не менее снобы, чем остальные: это зеваки, устраивающие засады на Елисейских полях, чтобы посмотреть, кто пойдет на премьеру, и сообщить потом приятелям: «Я видел принцессу Грейс, как вас сейчас!», и независимые антизеваки, помирающие от желания посмотреть на принцессу Грейс, но перебегающие на другую сторону улицы: они скорее уж дадут изрубить себя на куски, чем быть замеченными в шеренге «этих бездельников».

Есть здесь, наконец, и «непробиваемые». Те, кто ограничивается простым возвращением приглашения: мол, не пойду, и точка. Но есть много и таких, которые будут размахивать этим приглашением перед друзьями и возмущаться: «Да чтобы я туда пошел! Ни в жизнь!»,— перемещая при этом столько воздуха ради того, чтобы все вокруг знали, что они туда не пойдут, сколько кто другой — чтобы туда попасть.

Может статься что снобизм рвущихся **ТАМ БЫТЬ** даже меньше, чем снобизм тех, кто считает красивым жестом **ТАМ НЕ БЫТЬ**. (Один знакомый маркиз признался: «Мой снобизм заключается в том, чтобы не вступать в «Жокей-клуб», хотя я могу в него вступить».) До какой все-таки степени можно быть снобом, если хотеть, чтобы все знали, что ты не сноб.

В наше время многое изменилось.

В начале века и даже еще в двадцатые годы сноба запросто отличали по внешнему виду: белые гетры, монокль, костюм впритирочку, ухватки денди (импортного образца, потому что оригинальный английский денди из кожи лез, чтобы не привлекать внимания своим туалетом. Бриан как-то ответил на комплимент насчет его элегантности: «Я не мог быть элегантным уже потому, что вы это заметили»); тысячи примет позволяли распознавать парижского сноба за сотню шагов. Теперь же одежда превратилась в образец куда более изощренного снобизма. «Дубленая» мода — символ этой подчеркнутой скромности. Если раньше те, у кого была норка, демонстрировали, что она у них есть, то теперь считается хорошим тоном это скрывать и выворачивать норку наизнанку...

Но о премьерах. Согласитесь, если взять всех тех, кто рвется на премьеру ради удовольствия там побывать, и тех, кто ни за что туда не пойдет, чтобы не оказаться в числе тех, кто туда рвется, и тех, кто все же хочет туда попасть для того, чтобы те, кто туда попасть не может, знали, что они туда попали,— получается что-то многовато.

О снобах и всех разновидностях снобизма можно писать столько, что и трех, соединенных в одну, жизней писателей-снобов будет мало.

С какого концерта принесешь сегодня свои трофеи ты, сноб-меломан-авангардист? Однажды, выслушав, как оркестр выстукивал, скрипел и трубил целых пять минут одну и ту же ноту, ты, нацелив палец на соседку, изрек в гробовой

ВАШЕ МНЕНИЕ?

тишине застывшего от ужаса зала: «Это очень важный момент!»

А что мне делать с тобой, сноб-дилетант? Приглядывая себе конторку мореного дерева в стиле Людовика XV, ты, еле сдерживаясь, чтобы не завопить: «Какая прелесть!» — безмолвно заканчиваешь осмотр и заявляешь: «Я нахожу ее красивой». А с тобой, сноб — посетитель галерей, который у картины Пикассо, ничего в ней не понимая, восторженно шепчет: «Перед этим полотном... прямо чувствуешь, как становишься лучше».

Неужели я обойду тебя, сноб-теннисист, если ты не можешь выйти на корт без своих шести ракеток, не перестаешь являть зрителям раздосадованное лицо великомученика, перемигиваться с какой-нибудь кинозвездой, стенать, если подавальщик мячей не стоит все время подле тебя, и говорить «хороший удар» исключительно по-английски «good short» или еще лучше «folly good short».

Где гнездишься ты, сноб-ученый? В обществе от тебя ждут, что ты блеснешь умом, тем более что иероглифы фараонов для тебя пара пустяков, но ты предлагаешь играть в «шарады», визжишь от восторга при виде гигантского спичечного коробка и с довольной улыбкой признаешься, что совершенно не приспособлен водить машину. Ну а ты, сноб-карьерист, настолько увлеченный закодированием и завуалированием всего на свете, что даже невинный телефонный разговор с тобой напоминает азбуку Морзе, а пустяковейшая из рассказанных тобой светских сплетен должна восприниматься как правительственная телеграмма?

Что делать с вами, снобы-журналисты, которые буквально осчастливливают своим посещением сильных мира сего, никогда не уходят из гостей — как правило, в полночь,— не сказав: «Меня ждут в редакции» или «Газета зовет», как будто наборщики только и ждут их последней запятой?

Но, скажут мне, а ты?

Ты, который...

...Надеешься выйти сухим из воды, остаться зрителем в этой кошмарной комедии? Думаешь, что ты из породы безгрешных, которые с Сириуса посмеиваются над тем, как здесь копошится всякая живность? Уж не хочешь ли ты сказать, что Свифт убедил тебя, будто сатира — это зеркало, которое отражает все, кроме тебя самого?

Кто ты, черт побери?

Так ведь... это... сноб, само собой.

Сноб-турист, озабоченный только одним, как бы его не приняли за туриста, и прогуливающийся по Венеции с пустыми руками — без фотоаппарата и путеводителя, это — я. И тот, кто, не стесняясь, разворачивает французскую газету в автобусе где-нибудь в Лиме, но имеет тенденцию маскировать ее в «Дейли экспресс», если на площади Святого Марка речной трамвайчик осаждает развеселая толпа его соотечественников,— это опять я.

Тот дачный сноб, крайне довольный тем, что в разгар лета может сказать, что открыл безлюднейший островок в Фонтенбло, и хихикающий, провожая взглядом громадные лайнеры, пачками увозящие из Орли отпускников, которые не имеют возможности остаться в Париже на август, это, к ужасу, я. К тому же я не стану возражать, если во время моей прогулки по лесу какая-нибудь парочка знаменитостей, катающихся на лошадях, заметит меня и примет мой гордый вид за задумчивость... О, сладкое ребяческое тщеславие, сумевшее однажды перед приходом журналиста заставить меня выложить на рабочий стол английское издание моей книги!

Неутолимая жажда самоутверждения пробирает меня до пят, когда за рулем мощного автомобиля я готовлюсь на 160 километрах в час одернуть того, кто обогнал меня на 130 и при этом сделал что-то такое, что мне не понравилось!

«Наверное, противно,— сказала мне одна дама, протягивая мне мою книжку,— надписывать читателям книги». Но, милая, куда противнее, если никто и не подумает тебя об этом попросить!

Коль я злословил по поводу желания казаться, то у кого оно сильнее, чем у писателя? О, бескорыстный творец, презирающий тиражи, я верю в твою святость не больше, чем в свою. Неужели ты когда-нибудь умолял издателя: «Главное, не печатайте меня тиражом более 3 тысяч!» Уж не собираешься ли ты следовать совету Бернарда Шоу, говорившего, что мученичество — единственный способ стать знаменитым, если нет таланта? Писатель, чьи творения видели только его близкие, еще может быть «чистым». Хорошо еще ради абсолютной чистоты, чтобы он запретил печатать себя посмертно: ведь так много развелось людей, спешащих дать дуба, чтобы побыстрее опубликовали их переписку и дневники.

Демонстрируя перед вами свое чистосердечие, я и здесь — не менее лицемер и сноб. Это одна из форм снобизма: отодрать самого себя ремнем. Разве признаваться в своем тщеславии не так же высокомерно, как его скрывать? В том, что я выставляю на обозрение свои слабости, нет моей заслуги, это один из способов скрыть свои худшие недостатки.

Наконец, следует как-то пояснить еще одно подтверждение моего снобизма, а именно, итальянское «Снобиссимо» в заголовке. Повинуясь истине, я вынужден признаться, что обязан им одному знакомому, который когда-то был даже моим лучшим другом.

Как-то в Венеции, желая поразить даму своего сердца, он, выйдя с ней из театра, отверг предложения нескольких гондольеров, одетых, как ему показалось, слишком буднично, и отправился на поиски «уна гондола» на канал Орсеоло. Там, в конце концов, он выискал разукрашенную лодку, кормчий которой был весь в белом, с красным поясом, в шляпе с лентами, и к тому же весло на его лодке было с серебристой лопастью и голубой полосатой рукояткой.

Когда в этом «ландо» мой знакомый вернулся к театру, один из отвергнутых им гондольеров освистал его: «Снобиссимо!»

Его, то есть меня.

Перевел с французского С. КОЗИЦКИЙ

СНОБ — ЭТО... СНОБ

Б. ПРУЖИНИН,
кандидат философских наук

Слово «сноб» в нашей речи встречается не так уж часто, а если встречается, то обычно имеется в виду именно то, о чем пишет Пьер Даниноc. Есть на этом слове налет какого-то архаизма. Из языка, правда, оно не уходит, держится. Когда человека называют снобом, он не обижается и не очень оправдывается. Не правда ли?

В буквальном переводе с английского «snob» означает... сноб. Более полную информацию дает «Словарь иностранных слов». «Сноб,— читаем там,— насмешливое прозвище, даваемое людям пустым, увлекающимся модным и слепо преклоняющимся перед тем, что принято в т. н. «высшем свете» буржуазного общества».

Наш современник при слове «сноб» вряд ли представляет себе этакого щеголя в белых гетрах и с моноклем в глазу времен Диккенса и Теккерея. Вряд ли он представляет себе и современного модно одетого человека, даже если одет этот человек в то, что сегодня еще не носят, но будут носить завтра. Понятие «сноб» переместилось из сферы, так сказать, внешнебытовой в сферу нравственно-духовную. Под снобизмом мы склонны скорее понимать высокомерное, презрительное отношение к окружающим, причем отношение с точки зрения окружающих ничем не оправданное. Сноб причисляет себя к «высшему кругу» по чисто внешним признакам, но мы-то видим, что его претензии не основаны ни на чем. И сама по себе внешняя форма этих претензий, будь то «фирма» или «лоск», поразительная вхожесть или полное нежелание вообще куда-либо входить, может вызвать только улыбку. Эта улыбка как бы примиряет нас со снобизмом не только в нас самих, но даже и в других, что всегда труднее. Стоит только посмотреть на сноба с достаточной мерой юмора — в конечном счете ведь он того заслуживает,— чтобы избавиться от некоторого неприятного осадка, который неизменно возникает при общении с ним. На это нашего юмора вполне хватит.

Ну, хочет человек казаться значительнее, чем он есть. Пусть себе. Правда, раздражают, а не смешат, претензии, даже внешние признаки которых претендент приобретает не сам: снобизм престижного вуза — не то же самое, что снобизм престижного вуза, куда сноба пристроили родители. Однако это явление несколько иного рода, нежели собственно снобизм. Здесь другое — презрительное отношение к тем, у кого нет этих символов престижа.

Унизить другого, чтобы возвысить себя,— неотъемлемая черта снобизма. Она вытекает из самой его сути. Внешние признаки принадлежности к «высшему кругу» сами по себе еще не достаточны, чтобы утвердиться в этом самом «круге» и чтобы окружающие признали претендента членом «высшего круга». И тогда, компенсируя содержательную пустоту и необоснованность своих претензий, сноб унижает, прибегая к самым различным приемам — от тонкой иронии до откровенного хамства. Нет ничего унизительного в том, чтобы учиться у подлинно великих мира сего и подражать им, нет ничего принижающего в желании следовать советам и поступкам людей, более умудренных жизненным опытом. Но мудрая доброта подлинного превосходства подменяется чванством и высокомерием, перерождающимся в раздраженную и злую грубость, если превосходства этого на самом деле нет, а есть лишь претензия поучать.

Столкнувшись с подобным проявлением снобизма, мы и здесь можем усмехнуться. Просто-де надо подняться «выше» сноба и сохранить свое достоинство. Сноб — вечный ребенок, строящий из себя взрослого. Отсюда и хамоватость его тона — он не хам, он сам не замечает, что его претензии лишены оснований, и обижается, когда ему не верят и смеются над ним. Его тон, его манера поведения — не вызов и результат сознательного стремления встать выше других. Это результат его иллюзий по поводу себя и окружения, результат недомыслия. Он неразумный ребенок, сам не знающий или не желающий знать, что он есть на самом деле, что ему действительно нужно, и потому напяливающий чужую одежду, манеры, мысли, взгляды.

И вот здесь, уважаемый читатель, я вынужден резко изменить тон. Ибо когда я в своих размышлениях о снобизме добрался до мысли, что сноб — вечный ребенок, а снобизм — вечный инфантилизм, я вдруг понял (понял размышляя, далеко не сразу), что снобизм опасен, и может быть омерзителен. Более того, снобизм может быть страшен, когда он охватывает целые народы и когда цвет кожи, рубашки или образ мыслей становится основанием, чтобы смотреть на других свысока. Свысока можно себе позволить многое... Правда, и называется он тогда иначе — нацизмом, например...

И когда я в этой плоскости стал размышлять о снобизме, то легкий «даниносовский» юмор незаметно испарился.

Начать с того, что взгляд на жизнь и игры детей как на нечто несерьезное — чистой воды снобизм. Право смотреть на детей с высоты взрослого отнюдь не дается размером ботинок. Это право приобретается нажитым опытом, а он и к сорока годам может быть таким же, как и в пять лет. Опыт надо уметь собрать, а для этого надо критически оценивать самого себя, то есть быть разумным существом. Что же касается детей, то они живут и собирают опыт не менее серьезно, чем взрослые. А это значит, что вечный ребенок-сноб просто неразумное существо. И в реальной жизни это легко может обернуться для него трагедией. Нельзя жить в мире иллюзий вечно.

Это во-первых, а во-вторых, вечный ребенок становится или остается таковым не без помощи извне. Кому-то очень удобно это состояние, лишающее человека возможности критически оценить себя и понять свое собственное предназначение, свою общественную роль, состояние, заставляющее его гнаться за внешней формой чужой жизни, считая себя причастным к этой жизни только потому, что усвоены некоторые ее внешние признаки. Кому-то удобно, чтобы вечный ребенок лишь играл в удовлетворение желаний и никогда не претендовал на то, на что он мог бы претендовать в действительности.

Сноб — это всегда человек, кем-то обманутый, а не только обманывающий сам себя, ибо он даже не осознает своих реальных интересов, когда гоняется за стандартами жизни «высших кругов». Чем бы дитя ни тешилось...

Когда я уяснил все это, я совсем другими глазами перечитал статьи английского мыслителя Честертона о снобизме. Он понял, что снобизм выступает в качестве оружия, направленного аристократией против бедных. Бедняк, избирающий аристократа своим идеалом, стремится подражать ему в манерах, в одежде и живет в мире иллюзий.

В нашем обществе антагонистических классов нет, а снобизм вроде бы есть. Кому он выгоден у нас? В общесоциальном плане — никому, а вот в узкогрупповом...

Возьмем пример: «снобизм неучастия». Причины этого явления в общем ясны — формализм. В результате кто-то считает, что в общественной жизни участвуют лишь карьеристы, и прав, казалось бы, тот, кто демонстративно не желает в ней такой участвовать. Действительно, в «таком» участвовать нельзя, не теряя собственного достоинства. Но прав лишь тогда, когда пытается изменить что-то в создавшемся положении, а не любуется своим отказом, делая вид, что за ним скрывается нечто более высокое. Ничего высокого в нем нет. Есть привычка к тому, что кто-то решает за нас, во всяком случае в общественной жизни, и отсюда иллюзорное представление о том, что наедине с самим собой карьерист, формалист, подлец — не карьерист, не формалист, не подлец, что все лучшее остается вне жизни общества, для личного пользования.

И в этом плане «снобизм неучастия» лишь внешне кажется вызовом формализму и формалистам, всем тем, кто не желает или не может жить иначе. На самом деле он играет им на руку.

Так что снобизм вещь более серьезная, чем его представляет Даниноc. И отношения к себе требует более серьезного, чем легкая усмешка.

О том, что надо знать смолоду и хорошо бы запомнить на всю жизнь

Г. М. ЭНТИН,
доктор медицинских наук, старший научный сотрудник
Московского НИИ психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР

Читатель, предлагаемая твоему вниманию статья американской журналистки — лишь неполный перечень некоторых научных сведений об алкоголизме. Легким чтением ее не назовешь, тон сухой и серьезный — и все-таки прочти: надеюсь, ты еще ни разу в жизни не притрагивался к спиртному, но проблема, о которой пойдет здесь речь, касается и тебя лично. Возможно, прочитанное предостережет тебя от неверных и опасных шагов в будущем. Тебе, твоим друзьям, родным, даже твоим будущим детям угрожает опасность: к сожалению, алкоголизм распространенная болезнь. Хорошо, если тебе не пришлось увидеть, как под воздействием спиртного деградирует знакомый или близкий тебе человек, но, помни, ты не застрахован от этого страшного зрелища. Если ты при этом остался сторонним наблюдателем, доля вины в этой трагедии на твоей совести.

Картина в статье рисуется мрачная, болезнь даже названа неизлечимой, возникает чувство безнадежности — не повернуть ситуацию вспять. Таков и вывод статьи: самое лучшее, на что можно рассчитывать, считает автор, лишь снизить (но не остановить!) в США темпы роста эпидемии алкоголизма. Что ж, подобный пессимизм американского автора в определенном смысле объясним, потому что положение действительно очень серьезное. Вполне понятно и другое: в условиях американской действительности, когда современный курс лечения стоит до двадцати тысяч долларов, говорить о массированном наступлении на эту эпидемию не приходится: ведь очень часто в США пьянство и бедность идут рука об руку.

У советского здравоохранения взгляд на проблему иной. Понимая всю сложность задачи по искоренению этой трудно поддающейся лечению болезни, мы, советские медики, с уверенностью можем сказать, что полное преодоление пьянства и алкоголизма в нашем обществе дело не только возможное, но и достижимое: для этого у нас есть все необходимые условия. Сильная научная и профилактическая база. И главное — общее стремление советских людей построить здоровое общество.

Алкоголизм — тяжелое заболевание, вызывающее не только психические расстройства, но и качественные биохимические разрушения всего организма. Отмахнуться от этого факта, пустить развитие болезни на самотек, утверждает автор, и я полностью разделяю ее точку зрения,— преступление против себя и окружающих. Тут я хочу привести еще один, на мой взгляд, очень ценный вывод из американской статьи: лучший способ борьбы с пьянством и алкоголизмом — вообще не начинать пить, не позволять начинать пить окружающим. В этом, читатель, ты, как гражданин, обязан занять самую активную позицию. От того, как ты поведешь себя, и зависит успех большого и очень важного дела.

Люсинда ФРЭНКС,
американская журналистка

Загадочная и неизлечимая болезнь, пагубное пристрастие, коверкающее жизнь в общей сложности 70 миллионам американцев: 14 миллионам алкоголиков и 56 миллионам несчастных родных и близких солдат этой армии Бахуса. Наверное, никакое другое заболевание не отмечено столь отчетливым клеймом социального позора: врачи бессильны перед ним, потому что жертвы утверждают, что они здоровы, и не спешат обратиться за помощью к наркологам.

Легенда о том, что алкоголик только тот, кто не способен держать себя в «работоспособном» состоянии, уступила место горькой правде: много, очень много жертв этого пристрастия остаются нераспознанными — они работают и живут в обществе, не привлекая к себе внимания, пока следующие по пятам алкоголизма заболевания не берут свое. Одно из них — цирроз печени, который, как известно, необратимо развивается на заключительной стадии алкоголизма. И перед вероятностью

приобретения этой страшной болезни стоит каждый, кто регулярно употребляет спиртное. Особенность цирроза заключается в том, что он не вызывает тревожных симптомов. Первый «звонок» обычно становится и последним: раздается он на той стадии, когда болезнь уже неизлечима.

Миф о том, что алкоголизм — следствие личной неустроенности и вызывается лишь психологическими причинами, в последнее время также полностью развеян учеными, и сейчас ни для кого не секрет, что это пагубное пристрастие имеет биологическую природу. Ученые обнаружили необратимые изменения, происходящие в организме алкоголиков. Например, врачи всего мира уже знают, что спиртное в обмене веществ у таких больных участвует иначе, чем у здоровых людей. Предварительные исследования говорят о том, что некоторые младенцы появляются на свет с врожденными изменениями печени, которые могут привести к развитию прогрессирующего алкоголизма. Также обнаружилось, что у детей алкоголиков характеристики биотоков мозга существенно отличаются от нормальных. Кроме того, ослабление памяти, вызываемое этой болезнью, неизбежно передается по наследству.

Безусловно, не последнюю роль в этом заболевании играют социальные и психологические причины, но знание того, что алкоголиков от здоровых людей отличают прежде всего нарушения обмена веществ, обусловленные либо наследственными причинами, либо постоянным пьянством, открывает новые подходы к лечению этой разрушающей человека болезни.

«Пьяница, образ которого создали в своих пьесах Юджин О'Нил и Теннеси Уильямс, бедняга, заливающий вином томление духа и смятение чувств, больше не имеет права на существование, потому что он — чистая выдумка,— говорит доктор Николас Пейс, один из ведущих наркологов США, основатель центра медицинской помощи алкоголикам в Манхаттене.— Если вчера мы считали, что алкоголика преследуют душевные противоречия, то сегодня мы точно знаем, что его подстегивает к пьянству алчущая спиртного печень»

Обычно алкоголизм характеризуют как заболевание, при котором пациент, напиваясь, теряет контроль над собой. В результате разрушается его семья, рвутся социальные связи, теряется способность выполнять работу. Начинается все с банального бытового пьянства, но постепенно организм привыкает к алкоголю и становится зависимым от него. Больной способен испытывать желание побороть пагубную страсть, но бросить пить без помощи медиков он не в состоянии. Большинство специалистов соглашаются, что хотя внутренние противоречия и стрессы могут стать причиной интенсивного пьянства, тем не менее психологические проблемы, которые испытывает каждый алкоголик, чаще являются следствием, а не причиной заболевания.

Ученые считают, что действие, которое алкоголь оказывает на психику больного, в некоторых случаях гораздо более опасно, чем вызываемые пьянством болезни сердца, печени и других жизненно важных органов. Со временем алкоголь нарушает функции мозга, вызывает поражения нервной и гормональной систем. Организм перестает вырабатывать определенные гормоны.

На ранней и промежуточной стадиях алкоголик еще способен выполнять служебные обязанности, но производительность его труда катастрофически снижается; растущая психическая неуравновешенность приводит к тому, что мелкие, незначительные трудности приобретают в его сознании масштабы вселенской катастрофы; он не способен преодолевать стрессы, а реальность хаотически переплетается в подсознании со страстно желаемым вымыслом; объективное восприятие действительности парализуется до такой степени, что больной уже не может здраво осмысливать и анализировать поступающую в мозг информацию. Алкоголь подавляет волю и убивает самосознание, поэтому долгие годы психотерапевтического лечения не дают результатов, если больной не становится абсолютным трезвенником. Практика показывает, что возрождение духа и сознания у жертв этого недуга происходит не ранее чем после двух лет полного отказа от спиртного.

Раньше считалось, что заболевание протекает быстро и проходит три этапа — интенсивное бытовое пьянство, запойность и алкоголизм, причем каждая из этих стадий характеризуется сложным комплексом симптомов. Сейчас врачебные наблюдения позволили сделать вывод: схема необязательно выдерживается в каждом конкретном случае, картина болезни иногда неуловимо, а иногда явно у разных пациентов отличается.

В США лишь 3—5 процентов алкоголиков попадают в лечебницы, большинство продолжают жить дома со своими семьями, всячески изощряясь, лишь бы не возбудить подозрений у окружающих. Они могут пьянствовать, например, по вечерам или во время уик-эндов; некоторые способны не притрагиваться к спиртному днем или пить даже меньше, чем их считающиеся непьющими сослуживцы и соседи; но, несмотря на все ухищрения, болезнь, словно непреодолимая пропасть, отделяет свою жертву от остального человечества, которое мыслит, действует и чувствует совершенно иначе, исходя из других логических и эмоциональных принципов. Бывает, что на первоначальных стадиях больной может вполне сносно выполнять служебные обязанности — его падение происходит не по прямой, возможны даже временные взлеты творческой и деловой активности, но алкоголь уверенно и неуклонно тянет свои жертвы ко дну.

Главным препятствием на пути раннего и успешного лечения этого опасного недуга была и остается проблема обнаружения первого симптома болезни: больной всегда категорически отрицает возможность заболевания алкоголизмом. И поскольку жертва настойчиво убеждает себя и других в обратном и находит удобные объяснения собственному поведению, причина множества других болезней, вынуждающих в конце концов алкоголика обратиться к врачу, часто так и остается невыясненной. Его родные и друзья тоже склонны искать другие объяснения настойчиво рвущимся наружу тревожным симптомам — они отмахиваются от полыхающих сигналов опасности: ничего особенного.

Специалисты надеются, что исследования ученых разбудят общественное мнение США и привлекут широкое внимание к страшному недугу. Если общество научится квалифицированно распознавать признаки алкоголизма, это ускорит применение радикальных мер лечения и профилактики этого социального зла.

«В клиниках повсеместно внедряются новейшие достижения науки,— говорит доктор Борис Тобакоф, научный директор Национального института проблем алкоголизма.— Мы вплотную подошли к разгадке тайны биологических истоков болезни и, видимо, скоро научимся предупреждать ее развитие; вероятно, мы будем в состоянии избавить потомство алкоголиков от тяжкого наследия их дедушек. Почему дедушек, а не отцов? Да потому, что отец может быть абсолютно непьющим, но «неустойчивые» гены деда обязательно передаются внукам, которые могут вести трезвый образ жизни — правда, редко,— но вероятность стать алкоголиками для них непомерно высока».

ДИАГНОСТИКА. С помощью новейшей техники ученые научились регистрировать предрасположенность к алкоголизму — сигналы, которые посылают печень и мозг, наиболее уязвимые органы, дают основания предполагать, что половина всех выявленных алкоголиков приобрела свое заболевание вследствие генетической предрасположенности.

Доктор Чарлз Либер, ведущий специалист в области исследования поражений печени у алкоголиков, возглавляющий научно-исследовательский центр в Бронксе, недавно провел ряд экспериментов. Результаты его исследований показали, что чрезвычайно опасен сам процесс переработки алкоголя печенью, не говоря уже о разрушении этого органа. В печени образуется огромное количество токсичных веществ, которые невозможно нейтрализовать. Доктор Либер установил, что участок печени, нейтрализующий токсичные вещества, у алкоголиков сильно разрушен и печень способна перерабатывать все меньше и меньше алкоголя. Больной организм порой самым

непредсказуемым образом может отреагировать на обычнейшие лекарства, что в определенных случаях грозит серьезными последствиями.

Доктор Либер провел также ряд опытов для изучения химического состава крови жертв этого недуга. Полученные им результаты позволяют более точно выявлять алкоголиков из обеспеченных слоев. По иронии судьбы именно у тех, кто ест сытную и здоровую пищу, определить цирроз на ранней стадии сложнее всего. «В отличие от недоедающих пьяниц, болезни которых имеют явный характер, у этих «благополучных» солдат Бахуса видимые признаки заболевания не бросаются в глаза, когда же они становятся очевидными, как правило, ничего нельзя сделать»,— говорит доктор Либер.

Другой метод — анализ крови, который позволит выявлять заболевание еще до разрушения печени, разработал доктор Ральф Райбекк. С помощью компьютера он сравнивает данные о химическом составе крови здорового человека с такими же данными больного, и ЭВМ мгновенно определяет изменения, вызванные патологическим пристрастием к спиртному.

«Этот способ можно сравнить с процедурой снятия отпечатков пальцев, только в нашем случае их берут с крови,— говорит доктор Райбекк.— Анализ раскрывает взаимодействие составляющих крови и фиксирует опасные биохимические изменения, указывающие на постоянное употребление спиртного. Точность анализа очень высока, практически он безошибочен». Доктор Райбекк утверждает, что в 85 случаях из 100 его метод позволяет безошибочно выявить алкоголика. А это значит, что медицинские и правовые перспективы этого метода весьма широки: его, например, можно будет применять при найме и увольнении рабочей силы. Дальнейшее совершенствование методики в клинических условиях, считает Райбекк, позволит уже через несколько лет применять этот анализ для диагностики мужского алкоголизма повсеместно. Что касается женщин, то потребуются дальнейшие исследования, так как обмен веществ у женщин значительно сложнее.

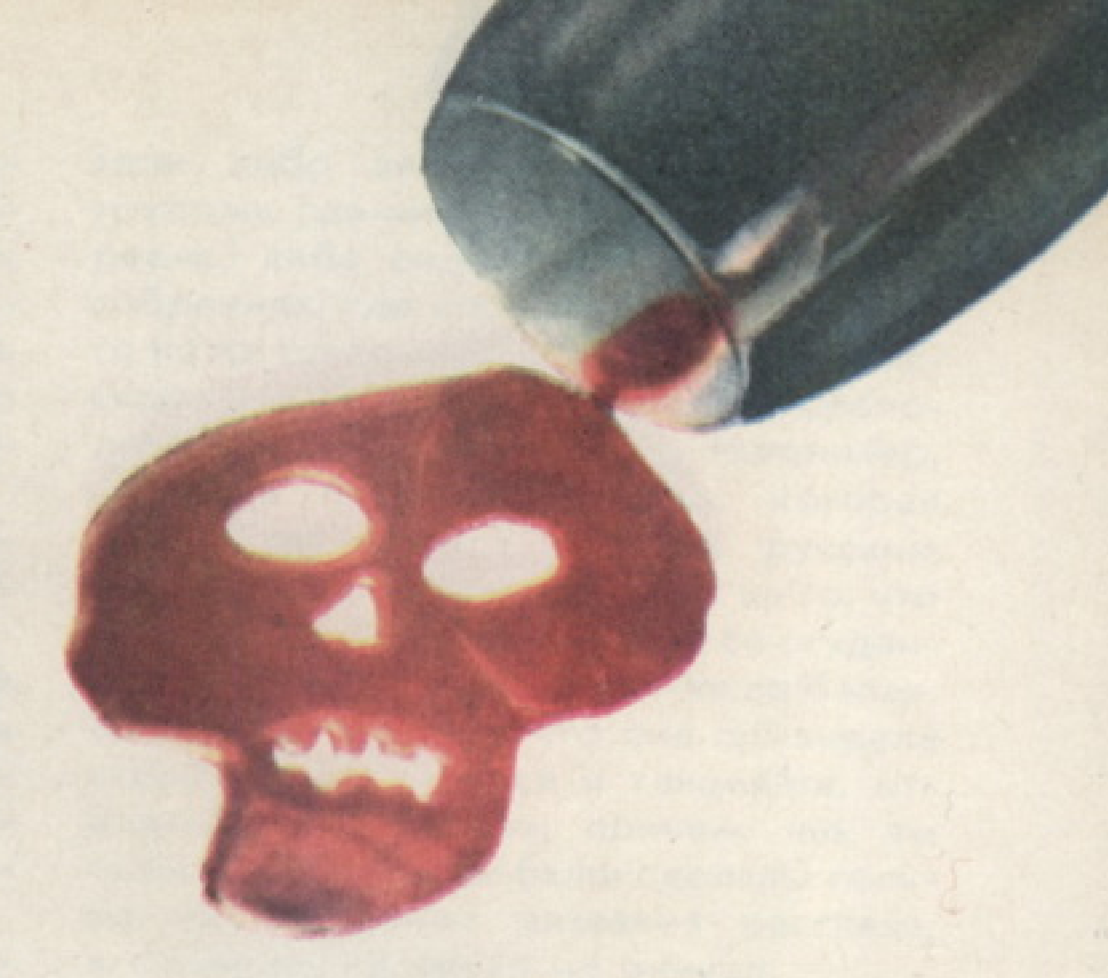
Много полезной информации об этом недуге было получено при помощи компьютизированного анализа биотоков мозга. Доктор Генри Беглейтер, сотрудник Бруклинского медицинского центра, обнаружил, что 80 процентов исследовавшихся алкоголиков даже после нескольких месяцев абсолютной трезвости имели аномальные биотоки. Доктор Беглейтер с удивлением наблюдал странное явление: один из импульсов, который излучает часть мозга, управляющая эмоциями и памятью, либо напрочь отсутствовал, либо был значительно ниже нормального уровня, если испытуемый находился в состоянии опьянения. Аномальные характеристики биотоков мозга повторялись и в периоды расстройства памяти, депрессии, столь свойственные таким больным.

Доктор Беглейтер обследовал также 25 сыновей алкоголиков в возрасте от 7 до 13 лет, которые никогда в жизни, даже будучи во чреве матери, не испытывали воздействия спиртного. Оказалось, что у 35 процентов мальчиков наблюдаются явные аномалии биотоков мозга, а также ослабление памяти и эмоциональных реакций. Эта цифра соответствует выводам других исследователей, которые утверждают, что по сравнению с обычными детьми дети алкоголиков имеют в 3—5 раз больше шансов со временем превратиться в алкоголиков.

По самым скромным подсчетам, алкоголизм обходится Америке в 117 миллиардов долларов ежегодно, а медики, как правило, подходят к этому заболеванию с допотопными мерками. Многие врачи, например, даже не удосуживаются провести пальпацию печени, чтобы определить изменение ее размеров. «В большинстве медицинских колледжей преподают специалисты старого поколения — в общем курсе лекций проблеме алкоголизма отводится всего несколько семинаров,— говорит доктор Пейс.— В клиниках положение еще хуже. Медики заявляют: «Пусть этим вопросом занимаются социальные службы». Можно подумать, что сотрудники благотворительных обществ что-то понимают в диагностике алкоголизма. Это явление очень сложное, поэтому неверный медицинский подход чреват серьезными генетическими и психосоциальными последствиями. Любое проявление медицинским работником формализма и равнодушия негуманно, по существу, это приговор больному, обреченному на неотвратимое падение на социальное дно и на гибель».

ИЗМЕНЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ОРГАНОВ И ДЕГРАДАЦИЯ ЛИЧНОСТИ. К числу наиболее серьезных заболеваний, являющихся следствием алкоголизма, относятся рак печени и гортани, рак пищевода, желудка, толстой кишки, а также злокачественная меланома. Алкоголизм приводит к развитию гипертонии, инсульту и инфаркту, вызывает нарушение деятельности головного мозга, поджелудочной железы и почек (диабет и почечные колики), алкоголизм — причина язвы желудка и двенадцатиперстной кишки. Такие заболевания, как колит, гастрит, геморрой, бесплодие, импотенция, преждевременное старение, мышечные судороги, ослабление иммунитета к вирусным инфекциям, бессонница и множество других, обусловлены именно алкоголизмом. В США среди всех случаев, требующих госпитализации, 30—50 процентов так или иначе связаны со злоупотреблением спиртным.

Одно из недавних исследований показало, что даже единичная, достаточно большая доза виски, принятая здоровым молодым человеком, резко

ухудшает работу его сердца. Другие исследования обнаружили, что у человека, страдающего сердечными заболеваниями, алкоголь настолько повышает вероятность закупорки сосудов сердца, что может стать причиной смерти.

«Людям с высоким кровяным давлением, признаками сердечной аритмии,— говорит доктор Айседора Розенфельд, кардиолог с мировым именем, практикующая в нью-йоркской клинике,— алкоголь категорически противопоказан. Спиртное и табак — наихудшая из всех возможных комбинаций, в которой воплощена вся безграничность человеческой глупости,— этот «букет» неизмеримо увеличивает опасность заболевания раком и дает абсолютную гарантию приобретения тяжелой болезни сердца».

Свое слово в постижение загадки алкоголизма внесли нейрохимические исследования. Некоторые эксперименты, проводившиеся на животных, показали, что алкоголь при обмене веществ в организме образует соединения, подавляющие выработку естественных опиатов[1]. Доктор Кеннет Блюм из Техасского университета считает, что хроническое пьянство приводит к прекращению поступления опиатов в организм. В результате алкоголик напрочь лишается чувства комфортности, которое если и не постоянно у нормальных людей, то по крайней мере в отдельных случаях является мощным эмоциональным фактором, из числа тех, которые придают «вкус к жизни». Доктор Блюм пришел к выводу, что уровень выработки естественных опиатов не восстанавливается до нормального даже после длительного периода трезвости, это объясняет, в частности, почему люди, пытающиеся бросить пить, часто срываются и впадают в запои.

Доктор Блюм провел эксперимент, который показал: у подопытной мыши, потомка нескольких поколений мышей-алкоголиков, хотя и не проявилось заметного пристрастия к спиртному,

[1] *Опиаты, или эндорфины,— гормоноподобные вещества, постоянно находящиеся в организме, определяющие эмоциональный слой.— Прим. ред.*

в крови оказался чрезвычайно низкий уровень естественных опиатов. Доктор Блюм считает, что такая особенность характерна и для детей алкоголиков. Исследования показали, что социальные стрессы также способствуют уменьшению содержания опиатов и тем самым стимулируют пьянство. Это объясняет, почему некоторые алкоголики, не имевшие наследственной предрасположенности к заболеванию, тем не менее приобрели его, хотя, как правило, позже, чем наследственные алкоголики.

Некоторые больные, которые за один присест поглощают огромные дозы спиртного, говоря о своих ощущениях, упоминают о блаженной эйфории, о постижении высшего смысла бытия, чувстве всесильности и могущества, а также уверенности в собственных талантах. Проведенные эксперименты показывают, что причиной подобного состояния является нарушение обмена веществ, такое состояние не возникает у непьющего человека после принятия равной дозы спиртного. Именно по этой причине алкоголик и становится рабом стакана, попадая в полную зависимость от его содержимого.

Как бы то ни было, у алкоголиков вырабатывается устойчивая тяга к спиртному и потребность во все увеличивающихся его дозах. Способность поглощать все большие и большие дозы спиртного следует обязательно считать тревожным сигналом!

После того как организм привыкает перерабатывать большие дозы алкоголя, в мозгу человека происходит постепенное нарушение процессов обработки поступающей информации. Наблюдая за больными, можно заметить явные признаки искаженного восприятия действительности: они начинают говорить о тщетности и бессмысленности всего сущего, становятся агрессивными, в них пробуждается потребность к самолюбованию, они чрезвычайно болезненно реагируют на критику, становятся себялюбивыми, теряют способность правильно оценивать свое поведение.

Эксперименты показали, что алкоголь пагубно действует на нейроны — нервные клетки. У подопытной мыши, например, на организм которой систематически воздействовали алкоголем, возникли мышечные судороги. Подобные судороги можно квалифицировать как симптом алкоголизма.

У хронических больных развивается атрофия коры головного мозга, от этого не застрахованы и бытовые пьяницы. На последних стадиях их ждет слабоумие и тяжелые заболевания, после чего обычно следует унылая кладбищенская процедура, которую родственники усопшего встречают, как правило, с облегчением, не обременяя себя лицемерным трауром.

ЛЕЧЕНИЕ. Всего лишь тридцать лет тому назад Американская медицинская ассоциация присвоила алкоголизму статус заболевания. Сегодня оно понимается как комплексная деградация личности, происходящая одновременно на социальном, культурном, психологическом и биологическом уровнях. Какой из этих уровней имеет приоритет, а следовательно, и наиболее важен при лечении, до конца неясно. Некоторые врачи, которых поддерживают консервативные психологи, стоят на позициях столетней давности, продолжая утверждать, что алкоголиками становятся в результате жизненных срывов и что если оградить от них больного, то он прекратит пить совсем или же сможет по крайней мере управлять своим пьянством.

Доктор Алан Марлатт, психолог Вашингтонского университета, квалифицирует алкоголизм как «психосоматическое заболевание», по его мнению, доступная медицинская помощь заключается в том, чтобы разъяснять, как справляться с нежелательными эмоциями, стимулирующими пьянство. «Внимание к психологическим аспектам вызывает у человека чувство разрешимости его проблем»,— добавляет доктор Марлатт.

«Чепуха,— сердито возражает доктор Джон Уоллес, директор лечебного центра крупнейшей частной лечебницы Нью-Йорка.—Такая точка зрения вселяет в жертву надежду — больного убеждают, что если он сконцентрирует силу воли, то сможет управлять желанием заглянуть в стакан. Что ж, удобно придумано — алкоголик, безусловно, не справится с такой непосильной задачей и будет в первую очередь винить себя, а не этого болвана, доктора Марлатта, который полагает, что биологическую склонность к алкоголизму можно побороть силой воли! Как вы считаете, можно приучить свой зад к раскаленной сковороде? А это то же самое, что «завязать» с пьянством усилием воли!»

Доктор Уоллес утверждает, что психология может быть лишь удачным дополнением, а лечение болезни возможно лишь на биологическом уровне: «Вот вам пример: двоих уволили с работы, и в отчаянии они потащились в бар. Нормальный человек выпил рюмку, другую и отправился домой — утром он уже помчится искать новую работу. Второй, алкоголик, сказал: «А, катись все это...» — и остался «переживать» до закрытия бара».

Доктор Джордж Вейлан, психиатр Дортмундского медицинского колледжа, когда-то тоже считал, что алкоголизм является следствием психологического срыва. Сорок лет он занимался этим явлением и, проанализировав судьбы шестисот алкоголиков, изменил свою точку зрения: «Я убедился, что у таких людей до начала заболевания неразрешимых проблем не существует. А вот стоит им пристраститься к спиртному, как они тут же появляются». Тем не менее доктор Вейлан установил, что большое значение имеет и воспитание: **те, кому доказали еще в отрочестве, что спиртное яд, алкоголиками, как правило, не становятся.**

Программа лечения алкоголизма должна предусматривать наступление на болезнь по всем фронтам и, во-первых, избавить алкоголиков от ложного стыда перед врачами, вывести их из заблуждения относительно своего недуга, объяснить в доступной форме, что с ними происходит.

Какая разница между сильно пьющим человеком, эпизодическим пьяницей, который тянется к спиртному в минуту жизненных кризисов и, преодолев их, способен обходиться без выпивки, и алкоголиком? Все эти три формы пьянства легко и незаметно перетекают одна в другую. Вначале пьют, чтобы расслабиться, сбросить напряжение или чтобы приглушить неприятные впечатления и воспоминания. Потом приобретается стойкое пристрастие к выпивке, и постепенно дозы растут и растут.

Эти неизменно растущие дозы исподволь приводят больного в состояние постоянной тревоги и беспокойства, которое явно преобладает над слабым и временным эффектом алкогольного расслабления. На промежуточной стадии у пораженных этим недугом случаются провалы памяти, возникает устойчивый синдром похмелья, начинаются неприятности в семье и на работе. Попытки видоизменить привычки (смена марки спиртного, употребление алкоголя в иное время суток), а иногда уход из семьи или смена работы не способствуют достижению сколь-нибудь действенного результата: пьянство по-прежнему остается бесконтрольным, остатки воли бессильны перед монолитом прогрессирующего заболевания. На последних стадиях организм алкоголика уже не реагирует на спиртное так, как раньше, и желанное состояние эйфории не наступает. Часто симптомами этой стадии могут быть озлобленность, появляющаяся в состоянии опьянения, желание говорить непристойности, совершать бессмысленные поступки.

Во время лечения состояние трезвости обычно воспринимается пациентом с восторгом. Неожиданное освобождение от алкогольной зависимости порождает у него такой подъем чувств,

что, как выразился один бросивший пить, «за этот дар судьбы можно молиться ежесекундно». Среди алкоголиков этот первый этап трезвости получил название «розовое облако».

Когда «розовое облако», убаюкивавшее около месяца, вдруг неожиданно тает, больной впадает в состояние крайней депрессии: этот мучительнейший период длится примерно год, и одновременно начинается процесс физического и психического воскрешения. На этой стадии алкоголик обычно замкнут, невероятно раздражителен, он старается избегать компаний, чреватых для него осложнениями, настроение скачет, бросая больного из одной крайности в другую. «По существу, это агония прежнего «я»,— говорит доктор Уоллес.

Особого внимания заслуживает отношение алкоголиков к собственному заболеванию: как правило, никто из них не согласен с поставленным диагнозом. В глубине души каждый твердо убежден в своем несходстве с другими алкоголиками и решительно отрицает свою причастность к этому мрачному клану. Подобный оптимизм может стать причиной срыва: вокруг столько соблазнов и искушений! С рекламных плакатов манят слабоалкогольные, псевдодомашние и тонизирующие напитки, они приглашают расслабиться, обещают сладкую негу и обволакивающую истому, гарантируют неземные ароматы и ощущение силы. «Почему мне не дано отведать этого блаженства, почему я не такой, как все?!» — стенает, заламывая руки, алкоголик. Многие не выдерживают испытания и вновь приникают к стакану. Как правило, такой срыв заканчивается трагически: резкая нагрузка на едва начавшую оживать печень способна привести к смертельному исходу. Организм лечащегося алкоголика настолько чувствителен, что может среагировать и на незначительную дозу спиртного даже после нескольких лет трезвого образа жизни... как будто этих лет и не было вовсе. Существует мнение, что после соответствующего курса лечения можно самостоятельно управлять своим потреблением алкоголя. Подавляющее большинство наркологов с негодованием отметают такую иллюзию, заявляя, что только полная трезвость может быть залогом успеха.

«Алкоголик может сколько угодно убеждать себя, что со временем и он научится пить «по правилам». Но научится ли этому его печень? — ставит точку доктор Пейс.— Отрадно видеть возрождение алкоголика,— продолжает он,— это напоминает победное шествие от трагедии к триумфу. Исходя из того, что мы, специалисты, знаем сегодня и, прогнозируя достижения науки на завтра, можно с некоторой долей оптимизма говорить, что, вероятно, число алкоголиков будет увеличиваться не столь стремительно».

Перевел с английского С. ЕВГЕНЬЕВ

ДВА ВЗГЛЯДА НА ХЭВИ МЕТАЛ-РОК

ТИМ ХОЛМС, АМЕРИКАНСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРИТИК: «Я НИКОГДА НЕ СТАНУ ВЗРОСЛЫМ!» КРИС КЕЛЬМИ, РУКОВОДИТЕЛЬ ГРУППЫ «РОК-АТЕЛЬЕ» ПРИ МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА: «ХВАЛИТЬСЯ ТУТ НЕЧЕМ»

В редакцию поступают письма с просьбой рассказать о группах, играющих так называемый хэви метал-рок. При этом тон писем, как правило, чрезвычайно резкий: «металисты» (так называют себя поклонники этого направления) обижаются на, как они считают, несправедливое отношение наших критиков к любимой ими музыке.

Мы предлагаем вам рецензию на «последний пакет» альбомов групп, играющих хэви метал-рок, опубликованную в американском журнале «Роллинг стоун».

Возможно, статья вызовет негодование любителей этого музыкального стиля — заявляем совершенно откровенно: такая реакция не входит в наши планы. Единственное, чего мы пытаемся добиться,— это осмысленного подхода к впитываемой вами информации, составной частью которой является и современная молодежная музыка. Поэтому попробуйте подняться над эмоциями и еще раз вместе с автором рецензии проследите логическую цепочку критики.

После статьи американского критика вы сможете узнать мнение нашего советского рок-музыканта — это Крис Кельми, участник и руководитель группы «Рок-ателье», работающей при Московском театре Ленинского комсомола. Его анализ явления несколько отличается от выводов Тима Холмса, но нам он кажется интересным и несколько необычным.

В заключение скажем, что если Тима Холмса, американского автора, можно упрекнуть в некоторой предвзятости по отношению к предмету разговора, то в некомпетентности его упрекнуть нельзя. Интонация материала сугубо авторская, переводчик лишь попытался передать ее наиболее точно.

«Я НИКОГДА НЕ СТАНУ ВЗРОСЛЫМ!»

Тим ХОЛМС, американский музыкальный критик

Чем объяснить коммерческий успех всех этих групп, которые как две капли воды похожи одна на другую? Гитарное соло — вот ключ к разгадке тайны! Гитарное соло — чем бессмысленнее, тем лучше! (Достижению этой благородной цели в немалой степени способствует скрипучий фальцетик Вокалиста, к которому тоже не предъявляется слишком больших претензий — чем больше сходства с ножиком, скребущим по стеклу, тем лучше.)

Хэви метал-рок — музыка для мальчиков, еще не переросших своих коротких штанишек. А мальчикам нравятся электрогитары — деревянные дощечки с натянутыми на них проволочками, которые стали символом подростковой истерии, рожденной нежеланием входить в мир взрослых со всеми его сложностями и проблемами (значки «Я люблю хэви метал!» могут быть прекрасным ориентиром для психиатра, занимающегося заторможенными детьми). Видимо, сознавая свою ущербность, хэви метал-рок упорно претендует на причисление к лику Искусства. Попытки прорваться в первые ряды настолько яростны, что хочется обнажить голову: сколько энергии уходит впустую! На какие только ухищрения не пускаются исполнители, чтобы достичь вершины,— одни принимают красивую позу, предлагая за определенную мзду полюбоваться «героическим» видом («АС/ДС»), другие проповедуют мужество, представление о котором почерпнуто из дешевых комиксов («Твистед систер»), некоторые полагаются на псевдовиртуозное владение музыкальными инструментами, иные рядятся под «добрый старый рок-н-ролл» («Рэтт», «Скорпионс»), кое-кто, решив понапрасну не мудрствовать, довольствуется компиляцией подобных «открытий», создавая унылый суррогат («Мотли кру»).

Атрибуты абсурдного альбома «АС/ДС» «Муха на стене» типичны для хэви метал-группы, состоящей из пяти человек: визжащая гитара, скрежещущая гитара, ухающая гитара, кастрюльный перезвон тарелок и скорбное бормотанье басового барабана. Весьма трудолюбив вокалист — исторгаемые им рулады сродни жалобам людоеда, оставшегося без ужина. Это звукоизвержение являет собою фон для глубокомысленных заявлений типа «Требуется настоящий мужчина» или «К чертям идеалы — они все старомодны». Без вкладки со словами текст на слух разобрать невозможно — то, что издает Брайан Джонсон, скорее напоминает звук перегревшейся бормашины в кабинете дантиста (боясь

показаться необъективным, должен все же отметить, что названия песен уловить можно, так как они повторяются подобно заклинаниям). На долю Агнуса Янга выпало повторение наиболее идиотских куплетов, и он так старательно выкрикивает глупости, что создается впечатление мальчика из хорошей семьи, связавшегося с отпетыми хулиганами.

Следующий образец бессмыслицы — группа «Мотли кру». Их третий и, пожалуй, в техническом отношении наиболее умелый альбом называется «Театр боли». Если верить тому, что написано на обложке, то к созданию сего шедевра авторов побудила итальянская комедия масок. Чтобы окончательно вбить в слушателя эту претензию, на лицевой стороне конверта красуются театральные маски. Однако после первых же аккордов становится ясно, что слушателя обманули — для обложки больше подошел бы крупный план циркульной пилы. Последние сомнения исчезают после беглого ознакомления с названиями произведений: «Оглушительнее самой преисподней», «Кто осмелился поднять руку на рок?». Неплохо иллюстрируют альбом композиции «Блюз парней с улицы» — стенания побитого дружками «трудного» подростка, и «По вечерам нам грустно и так хочется ласки» — незатейливые подростковые фантазии, замешенные на модных высказываниях популяризаторов науки.

Немилосердно лупцует гитару швед Ингви Мальмстен — безумная, а главное, бессмысленная вольтижировка на инструменте наводит на мысль о маниакальном психозе. На конверте своей пластинки, которая называется «Возрастающее усилие», он рассыпается в благодарностях абсолютно всем, начиная от фирмы, изготовившей струны для его гитары, до Джими Хендрикса, снята шляпа перед Бахом, не забыт и Паганини. По слухам, итальянский виртуоз скрипки обменял свою бессмертную душу на нечеловеческое мастерство владения инструментом. Видимо, Ингви провернул нечто подобное, если скорость перемещения пальцев по грифу гитары можно считать критерием виртуозности. Анализируя такое высокое «мастерство», как-то не хочется опускаться до рассуждений типа «отсутствие мысли» или «сверхскоростная глупость» — надо бы благочестиво внимать снизошедшему к нам гению. Но не получается. Мальмстен подобрался и к известному адажио Альбинони — странно, что он забыл упомянуть этого композитора в своем поминальном списке, где отмечены даже грузчики, на спинах которых аппаратура была доставлена в студию. Ну да ладно, переживет Альбинони. Подача этого адажио как хэви метал-пасторали кажется достаточно впечатляющей — здесь гитарист несколько замедляет бег своих пальцев по ладам и, чувствуется, пытается следовать партитуре: жаль только, что темп все равно остается в два раза быстрее положенного — ничего не поделаешь, таков жанр. Если любители этого направления рока считают крайне важным число звуков, срывающихся из-под пальцев исполнителя в секунду, то, видимо, они не будут воспринимать Мальмстена как некоего хэви метал-клоуна. А я бы охарактеризовал его именно так.

Группа «Твистед систер» заполнила собою пустоту, оставшуюся после ухода с рок-сцены одного из ее непревзойденных фигляров, Элиса Купера. «Твистед систер» тяготеет к текстам уличной тематики, которые достаточно органично вписываются в мелодии группы — такое подобие гармонии нехарактерно для хэви метал-произведений, и это можно отнести к достоинствам группы. В новом альбоме «На грани риска» нет ничего технически нового, скорее это перепев их предыдущих дисков. Сюда включена композиция с самого первого альбома группы, которая называется «Я никогда не стану взрослым!» — на мой взгляд, это самое удачное произведение ансамбля.

Теперь на очереди самые бездарные и бестолковые исполнители — «Рэтт» и «Скорпионс», чья музыка выделяется непроходимой глупостью, а тексты — каким-то оголтелым оптимизмом, который абсолютно неуместен в устах этих мрачных личностей. Калифорнийская группа «Рэтт» недавно выпустила альбом под названием «Вторжение в частную жизнь»: по замыслу авторов, слушатели вначале должны впасть во вселенскую скорбь, из которой их быстренько извлекут и свалят с ног дубинкой немыслимой радости. К сожалению, не происходит ни того, ни другого. Дубина, правда, есть, но ею вертят так неумело, что она лупит в основном по самим музыкантам. В песнях прославляется разумное, доброе и вечное вроде дружбы и истинной любви. Нам постоянно намекают: «Вы должны были бы это понять», но что именно понять, так и остается загадкой.

Западногерманская группа «Скорпионс» воспевает самих себя. Их двойной концертный альбом «По всему миру» представляет собой сборник из четырех последних пластинок с чрезвычайно затянутыми концертными вариантами некоторых композиций. Песни до предела насыщены противоречиями, хотя можно выделить общую тематику, а именно чувственное восприятие действительности. Плохо лишь то, что данная концепция уже изрядно набила оскомину еще в начале семидесятых, когда ее взяли на вооружение группы, которым «Скорпионс» не чета. Но эта тематическая последовательность становится понятной только после взгляда на текстовую вкладку, поскольку группа поет на каком-то птичьем языке, который даже отдаленно не похож ни на английский, ни на немецкий. «Скорпионс» постоянно пытаются продемонстрировать свое жало, но при ближайшем рассмотрении оно оказывается изрядно затупленным, что в общем-то странно — ведь двое из этой команды терзают струны уже пятнадцать лет, срок вполне достаточный, чтобы чему-то научиться или хотя бы сделать выводы. Этих парней можно было бы считать предтечами хэви метал-рока, если бы это направление имело хоть какие-то духовные начала.

Любая из рецензируемых пластинок может быть великолепным поводырем в крохотном, ущербном мире хэви метал-рока. Любая из этих пластинок вводит слушателя в воспаленное сознание прыщеватого подростка, который решил отомстить за обиды с помощью электричества. И соло-гитары.

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

«ХВАЛИТЬСЯ ТУТ НЕЧЕМ»

Крис КЕЛЬМИ,
руководитель группы
«Рок-ателье»

Ну и ну! И вы это все же собираетесь печатать? Очень ехидно, хотя...

Для начала, чтобы ясны были мои музыкальные пристрастия, скажу, с чего начинал. Мне тридцать один год, рок-музыкой занимаюсь с семидесятого года, играл в школьном ансамбле. Тогда, в начале семидесятых, в Москве была популярна группа «Рубины», мы были ее «дублирующим составом», назывались «Садко» и смотрели на «Рубинов» снизу вверх. Потом мы с моим другом Сашей Ситковецким — он сейчас руководитель «Автографа» — решили отделиться от «Рубинов», взяли барабанщика, Юру Титова, и организовали свою группу, назвали ее «Високосное лето»: дело было летом семьдесят второго. Мы тогда в музыке признавали только два ансамбля: «Битлз» и «Роллинг стоунз». Играли песни этих групп, пели на английском языке. Я играл на бас-гитаре, мне очень нравился Джеггер, мне было легче петь его вещи — петь я не умею, и Джеггер не пел, а скорее декламировал, поэтому у меня получалось «под Джеггера». Выступали на школьных вечерах, на танцах...

Когда к нам присоединился Кутиков, бас-гитарист, он тогда ушел из «Машины времени», Ситковецкий мне сказал: «Зачем тебе бас-гитара? Переходи на клавишные» (я окончил музыкальную школу по классу фортепиано). Сложились, немыслимыми усилиями купили орган. Кутиков предложил: «Надо писать свои песни». Начали писать. На английском: тогда считалось, что рок можно петь только на английском. Мы уже учились в институтах, я в МИИТе, Ситковецкий на химфаке МГУ. Сидели на лекциях и придумывали слова. Хороши были студенты... Потом Титова забрали в армию, другого барабанщика, Анатолия Абрамова, мы «нашли» в Люберцах, на танцах... Вскоре у нас появились первые тексты на русском языке — первая полная программа только из своих песен и пьес. Я, к сожалению, не могу вспомнить, где у нас состоялся первый настоящий концерт, то есть когда под нашу музыку не танцевали, а сидели и слушали ее. Было это в семьдесят пятом. Мы подумали: а зачем так просто играть, еще должно быть и красиво! Сделали костю-

мы, декорации, ввели стробоскоп, напустили дыму... Разные там сатанинские пляски и прочее. Вершина «Високосного лета» — фестиваль самодеятельных групп в Таллине в 1976 году. Произвели там настоящий фурор: до нас никто не работал со светом.

Потом были гастрольные поездки, а к 1979 году «Високосное лето» уже пришло к логическому концу. Из него вышли группы: «Рок-ателье», которое теперь работает при Московском театре Ленинского комсомола, «Автограф»; и двое ушли в «Машину времени».

Это, так сказать, о «карьере». О музыке. Как музыкант, я разделяю «золотой век» рока на три волны. Первая — «Битлз» и «Роллинг стоунз». Потом появились хард-роковые группы, такие, как «Дип перпл» и «Лед зеппелин». Помню, когда я впервые услышал композицию «Дип перпл» «Король скорости», я был просто потрясен... И третья волна, возникшая одновременно с хард-роком, это «мыслящий рок», такие группы, как «Генезис», «Йес», «Кинг Кримсон». Мне нравится их музыка: можно не понимать слов, но все равно чувствовать, что хотят сказать музыканты, чувствовать «послание». Для меня в рок-музыке главное, когда я понимаю, что группа хочет сказать своей музыкой. Бывает, что само произведение и не очень симпатично для меня музыкально, но я чувствую заложенную в нем мысль. И это важно.

Что же касается хэви метал-рока... Статья Тима Холмса при всей своей резкости в общем-то правильная. В отличие от него я не оспариваю права подобной музыки на существование. Ведь что такое рок? С одной стороны, это музыка очень энергичная, дающая заряд энергии и снимающая лишнее напряжение, если подходить к ней на низовом, так сказать, «физиологическом» уровне. На таком низовом уровне хэви метал-рок выполняет свою функцию: он служит как бы для того, чтобы «подзарядиться» энергией. Слушаешь его и вроде бы подсоединился к аккумулятору.

Один мой приятель для того и слушает хэви метал. Говорит: «У меня есть шесть кассет таких групп, я ставлю любую, не глядя, разницы нет, какую кассету ставить, если нужна энергия». Он человек, в роке разбирающийся, но в этой музыке он не чувствует — и, наверное, никто не чувствует — ничего, помимо энергии. В ней нет «послания», нет мысли. Поэтому и все равно, какую группу слушать.

Я однажды смотрел длинный видеоролик нескольких групп, играющих хэви метал. Это очень смешно, когда видишь их подряд: они ничем не отличаются друг от друга. Кто-то играет быстрее, кто-то умелее, у кого-то лучше сделан звук, разница чисто техническая. И это все!

Но ведь у рок-музыки есть и другая сторона — ее содержание. О содержании текстов хэви метал-групп говорить нечего: чепуха, пустота. Все сводится к одному: «Вот мы какие крутые ребята, сейчас придем и всем вам наломаем». Бойтесь нас, короче. Один раз такое послушать можно: это может быть даже забавно. Но одно и то же, да из года в год! Скучно, надоедает. Значит, слушают только из-за этой бьющей через край энергии.

Многие из таких групп в качестве своих «отцов» называют «Лед зеппелин». Вот, мол, откуда пошли длинные виртуозные гитарные соло — от Джимми Пейджа. Но у «Лед зеппелин» эти соло не были «вещью в себе», не были ради демонстрации техники, за ними стояла мысль, мысль была и в композициях ансамбля. У «металических» же ребят такой компонент рок-музыки, как мысль, отсутствует начисто. И в текстах, и в самом построении произведения.

Эта музыка, может быть, кому-то и нужна для «энергетической подзарядки». Но обратите внимание: «энергетической подзарядки» организма, она никоим образом не предназначена для «энергетической подзарядки» духа. Вероятно, нужна музыка и «для тела». Не знаю. Меня ведь смущает не столько музыка, сколько публика, которой музыка «для ума» не нужна, которая такую музыку, и такую рок-музыку, отметает. Я не против хэви метал-рока как жанра, я против того, когда он становится единственным жанром для своих слушателей. Я против воинственного неприятия другой музыки.

Ведь в «энергетическом направлении» работают и другие группы, в музыке которых есть «послание». Вот, например, «Дайр стрейтс» — у них есть мелодия, у них есть красивые песни, у них, помимо чистой «энергетики», есть еще и мысль. Может быть, для «металистов» это сложно, когда есть мысль? Тогда такого нужно стесняться, хвалиться тут нечем...

Этим рисунком художник американского журнала «Роллинг стоун» проиллюстрировал статью Тима Холмса о хэви метал-роке.

ВЫ СПРАШИВАЛИ, чем занята сейчас Йоко Оно! Вдова Джона Леннона завершила недавно турне по США и странам Европы с программой «Звездный мир» — программой борьбы против «звездных войн». А на снимке вы видите ее с сыном в одном из уголков нью-йоркского Сентрал-парка. Город, в котором был убит Джон Леннон, принял решение назвать этот уголок «Земляничными полянами» и превратить его в мемориал певца. Йоко Оно обратилась к странам — членам ООН предоставить для мемориала образцы национальной флоры. Канада выбрала клен, СССР — белую березку, Япония — сакуру, Голландия прислала луковицы тюльпанов, Непал — гималайскую сосну...

«Земляничные поляны» — так называлась одна из песен Джона. А теперь песня превратилась в сад, в котором должен царить мир»,— говорит Йоко Оно.

«ТЩАТЕЛЬНО РАССЧИТАННЫЙ УРАГАН» — так назвали американские журналисты впечатление, которое произвела на них игра сестер Полгар на состоявшемся в Нью-Йорке открытом шахматном турнире. Сестры Полгар побеждали и мужчин и женщин.

Сюзанна, 16 лет, Софья, 11 лет, и Юдит, 9 лет, родились и живут в Будапеште. «Когда мне было лет пять,— вспоминает Софья,— отец сказал: выбирай — шахматы или математика. Я выбрала шахматы, а сестры последовали за мной». Шахматы среди женщин в Венгрии, видимо, действительно очень популярны. Ведь и чемпионкой мира среди девушек стала 16-летняя Ильдико Мадл.

ВОПРОС ?! ОТВЕТ

Напишите, пожалуйста, о группе «Йелло», группа, по-моему, чрезвычайно интересная...

С. Соболев, Ленинград

Свой первый диск швейцарская группа «Йелло» выпустила в 1980 году. Почти всю музыку пишет Дитер Майер, он же аранжирует ее, он же оформляет обложки пластинок. Кстати, сам Майер отнюдь не считает себя музыкантом, говорит, что музыка лишь одно из его увлечений. Помимо этого, он пишет статьи на разные темы, занимается живописью, скульптурой, снимает короткометражные фильмы.

Второй постоянный участник группы — Борис Бланк. Его сфера — электроника, он и переносит идеи Майера с нотных листов в программы синтезаторов. В разное время в группе играли еще Карлос Перон и Чико Хаблас.

У нас к вам коллективная просьба рассказать о группе «Токинг хедз».

Группа военнослужащих

«Токинг хедз» — «Говорящие головы» — название ироничное, так американцы называют телекомментаторов. А первая пластинка группы вышла в 1977 году, поэтому ее и нарекли «77». В репертуаре «Токинг хедз» много песен острых, саркастичных, на злободневные темы современной буржуазной действительности. Автор большинства текстов — Дэвид Бирн, он, кстати, считается одним из наиболее интересных сегодня рок-поэтов. Помимо Бирна (гитара, вокал), в состав группы, возникшей в Нью-Йорке, вошли Тина Веймаут (бас-гитара), Крис Франц (ударные), Джерри Харрисон (гитара).

«Токинг хедз» — представители «новой волны» рока, интересны их эксперименты с ритмом: на них большое влияние оказала африканская музыка. Последний альбом группы — «Маленькие существа».

Бирн выпускает и сольные пластинки (в работе над некоторыми из них ему помогал известный музыкант Брайан Эно), сочиняет музыку к балетам. Сольную пластинку выпустил также Джерри Харрисон, а Тина Веймаут и Крис Франц даже организовали «на стороне» свою группу «Том-том клаб».

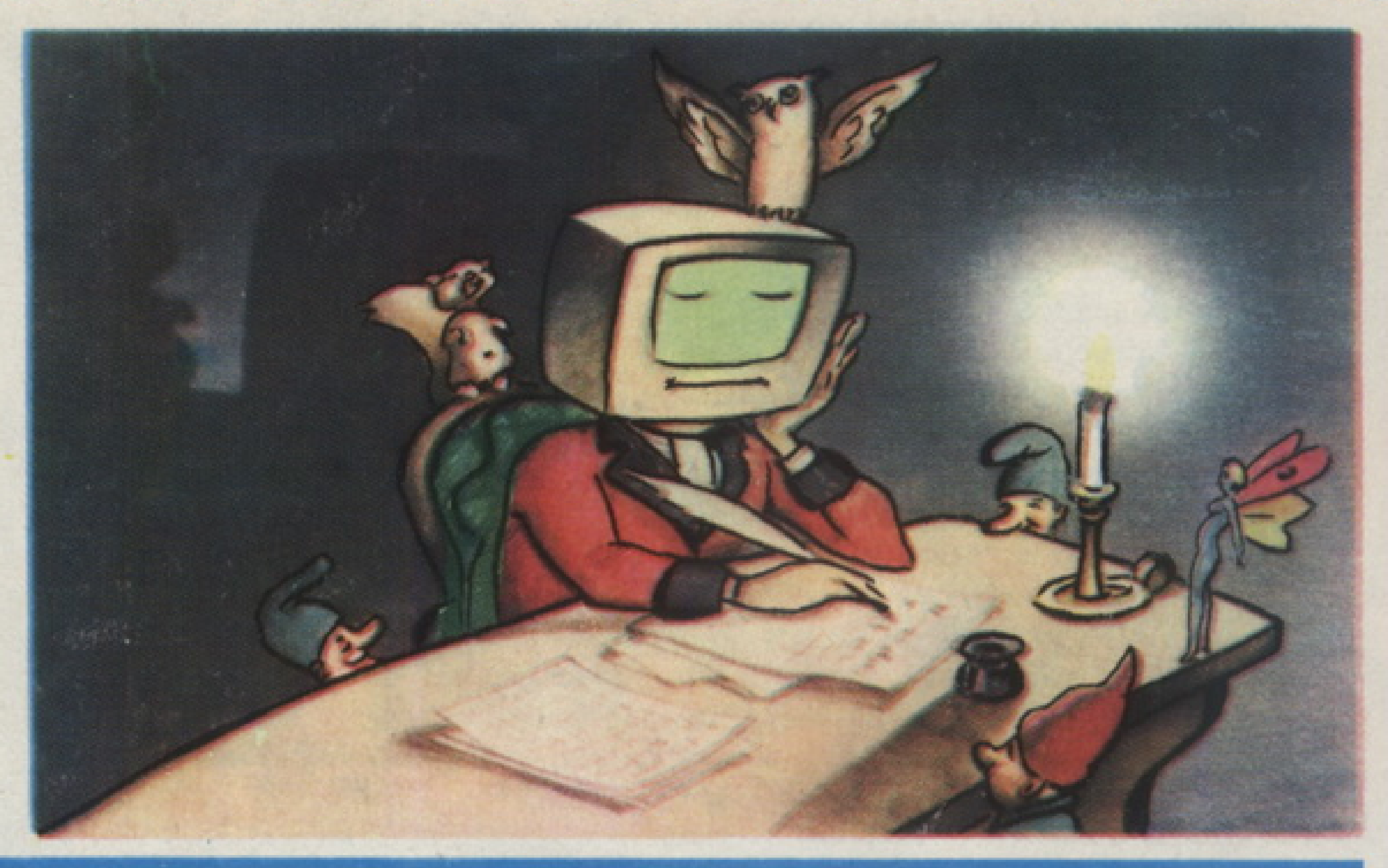
Расскажите об американской группе «Форинер». Когда вышла их последняя пластинка?

В. Табачник, Москва

У группы «Форинер» был очень стремительный взлет: первая их пластинка вышла в 1977 году, она принесла музыкантам звание «лучшего нового ансамбля США». И немудрено, в этой «новой» группе собрались люди с большим опытом, например, Иэн Макдональд был в числе основателей группы «Кинг Кримсон». Один из нынешних участников «Форинер», бас-гитарист Рик Уиллз, начинал с Дэвидом Гилмором, потом играл в группе Питера Фрэмптона, в ансамблях «Рокси мьюзик» и «Смолл фейсиз». Конечно, это наложило свой отпечаток на музыку «Форинер»: мелодичный хард-рок с очень «жесткими» клавишными. Идея ненова, но воплощение ее оказалось плодотворным: следующие три альбома стали «золотыми». Сейчас группа выступает в следующем составе: Лу Грэмм (вокал), Мик Джонс (гитара), Рик Уиллз (бас-гитара), Деннис Эллиот (ударные). Последний альбом группы вышел в 1985 году.

Л. ЗАХАРОВ

«СКАЗКИ СЕСТЕР ЭВМ» мало чем уступят сказкам братьев Гримм — считают итальянцы Деамброджи, Буччери и Давини, написавшие «Любовную историю с С64». Познакомившись с этой книгой, любой, кому открыт доступ к компьютеру, способен будет снабжать себя и знакомых сказками, детективами. Разъяв эти произведения на составляющие — зачин, расставание, условия-обещания, западня и пр.— и проанализировав важнейшие из них, филологи и специалисты по логике выяснили, что действие в детективах, как правило, легко разбить на отдельные фазы. С «жестокими любовными историями» и того проще: язык их крайне скуден, всего-то около сотни ключевых слов, в основном прилагательных, причастий и деепричастий. Электронщики рассказывают такую историю. Человек потребовал от компьютера сочинить рассказ, где был бы легкий налет религиозности, великосветская жизнь, добрая толика чувственности и загадочности. Машина тут же выдала текст: «О, боже! — вскричала, вся побледнев, графиня.— Я, кажется, влюбилась! Но в кого!»

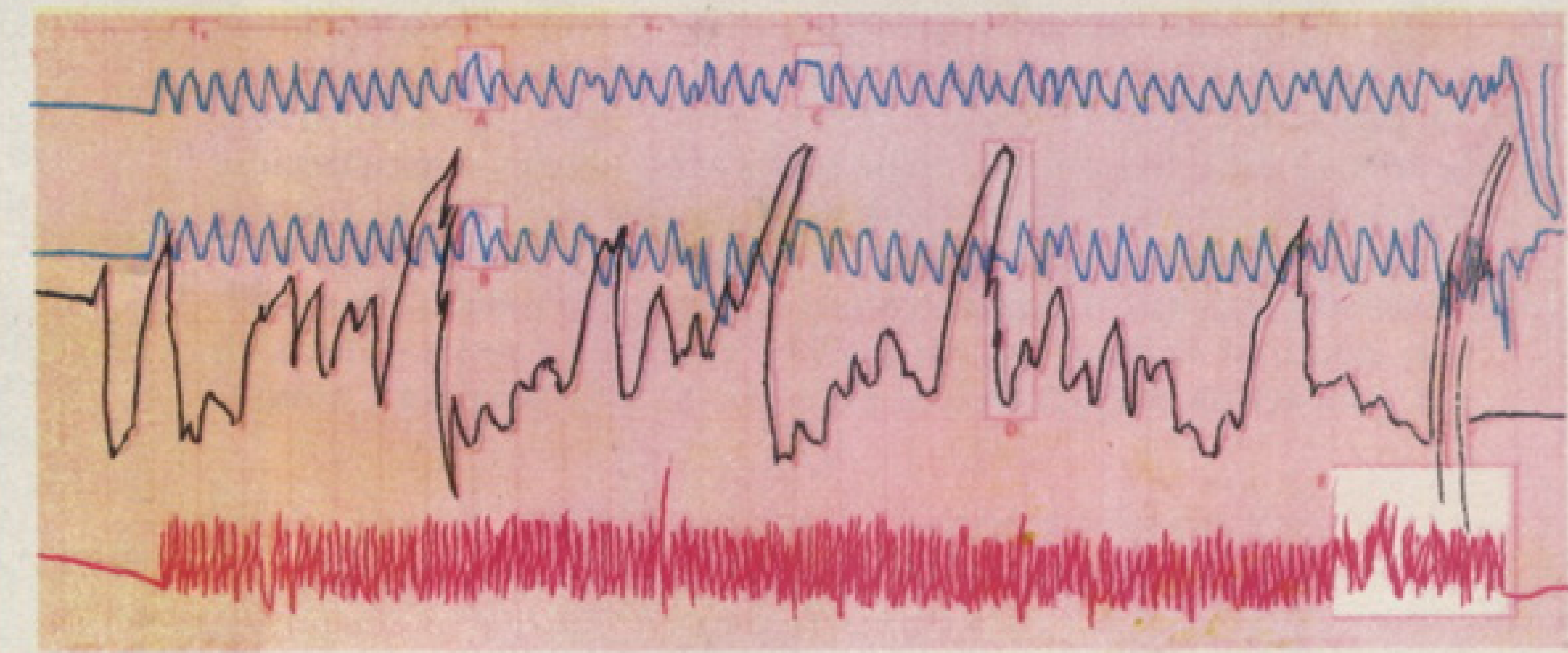
ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ. Эрос Рамаццотти — победитель очередного фестиваля в Сан-Ремо. Эрос Рамаццотти — победитель в давней семейной тяжбе с судьбой: его дед пел куплеты в тратториях, отец — не выбившийся в известные певец шестидесятых годов... Эрос Рамаццотти неловко раскланивается и думает о том, что завтра ему вручат еще один приз — настоящую живую лошадь...

А дальше вскачь, узда у телевидения тугая: в три ночи запись в дискотеке, в три тридцать — «интимный вечер с друзьями» под лучами телесофитов, потом быстро в гостиницу, потому что в 10 утра снова съемки, в три — выход в эфир, а перед этим два часа репетиций, вечером вылет в Милан, где две передачи... И между делом, в паузах — 100 интервью за три дня. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы. «Говорят, что я не очень красноречив и повторяюсь. А что особенного я могу рассказать в свои 22 года!»

ЭТОТ ПРОСТЕНЬКИЙ, В СУЩНОСТИ, ПРИБОР (изобретенный, кстати, еще в начале века) регистрирует повышение кровяного давления, изменение ритма дыхания, усиление потовыделения. «Я просто восхищен способностью машины добывать признания у виновных»,— похвалил недавно президент США Рональд Рейган этот прибор, более известный в Америке под названием «детектор лжи», и дал указание проверить на детекторе всех поголовно сотрудников правительственных учреждений, дабы те ровным дыханием и сухими ладонями удостоверили свою лояльность. Масштабная эта работа приостановилась, однако, когда стали доноситься голоса протеста.

Волнение потенциальных «подопытных кроликов» весьма оправданно: по мнению специалистов, точность определения того, кто лжет, а кто говорит правду, весьма относительна. В первом случае, как утверждают специалисты, детектор с успехом заменяется испытанной временем системой «орла или решки», во втором детектор может среди 1 тысячи сотрудников указать на 50 невинных вкупе с одним злоумышленником. Тем не менее в одном лишь Вашингтоне действуют семь фирм, гарантирующих выведение на чистую воду за каких-то 15—20 минут, в том числе даже по телефону. Примечательно и то, что сей бизнес породил и встречный бизнес: один бывший полицейский — оператор «детектора лжи» — обучает способам обмана «детекторов лжи».

Дом профессора состоял из двух кубов с огромными стеклянными стенами. Обогревала его солнечная батарея, сконструированная самим Фолкеном. Интерьер был явно подобран профессиональным дизайнером, и все сверкало чистотой.

Фолкен болтал о пустяках, рассказывал всякую всячину. Он не желал беседовать о Джошуа, пока гости не вымылись, не переоделись во все чистое и не отведали бифштекса и пирога с ливером.

— Ну вот, теперь я вас слушаю,— сказал он наконец.— Расскажите, как вы напали на Джошуа.— Он поднял элегантно очерченную бровь.— Насколько я догадываюсь, один из вас программист? Правильно?

Дженифер подтянула широкую юбку из красной фланели и указала на Дэвида: «Это он».

— Так. Смею предположить, мистер Лайтмен, что вы принадлежите к когорте энтузиастов компьютера, в просторечии именуемых «жуликами», коих развелось без счета в этой волшебной стране частной инициативы. Вы суете свой нос всюду, в том числе и куда не следует.

— Они думают, что он — шпион! — сказала Дженифер, окидывая Дэвида взглядом, в котором смешивались удивление и гордость.

— Я искал вход в «Протовижн», а соединился с Джошуа.

— Вот как! Я слышал, что если посадить за пишущие машинки стаю обезьян, то, работая всю жизнь без передышки, они в конце концов смогут написать полное собрание сочинений Шекспира. Однако мне с трудом верится, что юноша мог случайно найти ключ от черного хода моей программы.

— Я помогла ему,— добавила Дженифер, желая снять с Дэвида часть вины.— То есть я...

— Давайте все-таки по порядку.

Дэвид сжато передал ход событий. Слушая его, Фолкен аккуратно набивал крупно нарезанным табаком вересковую трубку. Они сидели в огромной гостиной перед камином, в котором сейчас потрескивал огонь; у окна стол для пинг-понга и карточный столик, стены заставлены полками с книгами, в углу телевизор.

Во время рассказа Фолкен по-шерлокхолмсовски попыхивал трубкой, поудобнее устраивался на подушках, покачивал головой или просто глядел в пространство, словно уносясь мыслями за тысячи миль отсюда.

— Они не стали слушать меня! — закончил Дэвид.— А когда я обнаружил, что вы живы, они не дали мне поговорить с Маккитриком. Поэтому ничего не оставалось, как обратиться к вам, мистер Фолкен. Только вы можете убедить их в том, что нам никто не грозит, что Джошуа способен развязать мировую войну и что все это я сделал не нарочно!

— Понятно. Наверное, у вас слюнки потекли, когда вы увидели в меню на экране заманчивое блюдо под названием «Термоядерная война», да?

— Но мы же думали, что это игра,— поспешила на защиту Дэвида Дженифер.

— Конечно, конечно.— В глазах Фолкена мелькнула улыбка.— Мне, признаться, понравилось, как вы обошлись с Лас-Вегасом, дорогая. Дивный библейский конец для этого нечестивого места.

— Пожалуйста, скорее позвоните им и объясните, что́ творит Джошуа,— нетерпеливо сказал Дэвид.

— Он творит то, для чего предназначен.

Стивен Фолкен оторвал худое тело от дивана, подошел к полкам и рассеянно провел пальцем по корешкам пухлых томов.

— Дети мои, здесь собрана коллекция книг, посвященных излюбленной игре человечества — войне. Люди предаются ей, как вам известно, с незапамятных времен... До начала нынешнего века мы могли позволить себе играть в солдатики, не рискуя погасить очаг цивилизации. Но затем, к великому сожалению, появилась ядерная энергия. И как же мы воспользовались ею? Первым делом наготовили бомб... Компьютер, дорогие мои, в определенном смысле — дитя войны, а, как сказал поэт Вордсворт, ребенок делает человека отцом.

ВОЕННЫЕ ИГРЫ

Дэвид БИШОФ, американский писатель

Рис. Н. БЕНУА

Фантастическая повесть

Да, я отец Джошуа,— продолжал Фолкен.— Я был одержим слепой страстью, разгоревшейся из увлечения математикой. Я надеялся подчинить строгой логике человеческие деяния.

— Все, что вам надо сейчас сделать,— повторил Дэвид,— это снять трубку и позвонить им.

Фолкен заложил руки в карманы и беспомощно улыбнулся.

— Я расскажу вам, дети, одну историю... Было время, когда на Земле обитали удивительные существа.

Он подошел к шкафчику, выбрал видеокассету и вставил в аппарат. На экране, сменяя друг друга, замелькали классические рисунки и карикатуры на динозавров. Какое-то время Фолкен смотрел на них, повернувшись спиной к гостям.

— Они бегали, плавали, летали, сражались... и вдруг исчезли. Разом. Это произошло сравнительно недавно. При-

---

Продолжение. Начало в № 2—7.

рода, увидев свою ошибку, избавилась от них и начала все по новой. Мы еще не были тогда даже обезьянами... Когда мы исчезнем, природа начнет новую попытку, на сей раз, возможно, с пчелами.— Он вернулся к дивану и взял трубку.— Понимаете, Дэвид, природа знает, когда следует остановиться.

— Вы сказали, «остановиться»? — спросил Дэвид.— Но почему?

— Видите ли...— протянул Фолкен,— моя идея заключалась в том, чтобы обезопасить нас от случайностей. Я хотел, чтобы машины учились на ошибках, которые мы не можем позволить себе совершить в реальности. Но мне не удалось заставить Джошуа усвоить главный урок.

Фолкен посмотрел на гостей.

— Когда следует остановиться... Вам приходилось играть в «крестики-нолики»?

— Конечно,— ответила Дженифер.— Как всем в детстве.

— Но вы перестали играть. Почему?

— Не знаю, скучно... все время выходит ничья.

— Если ваш соперник не совершит глупой ошибки, выиграть невозможно,— сказал Фолкен, раскуривая трубку.— Джошуа был без ума от игр, но этого урока он усвоить не смог.— Фолкен вздохнул.— Теперь все машины попали под начало к тупоумному Маккитрику. Видите ли, мы склонны идеализировать созданную нами технику. Именно это и произошло с Маккитриком.

— Коль скоро вы это знали,— сказал Дэвид,— почему вы ушли с работы?

Фолкен в раздумье попыхивал трубкой.

— Вначале я лелеял надежду, что мы обрели стабильность в идее взаимно гарантированного уничтожения. Обе стороны знали, что в войне не будет ни победы, ни победителя. А следовательно, отпадет надобность в войне. Но по мере возрастания точности попадания ракет возникла идея «хирургических ударов» с приемлемым числом жертв среди гражданского населения, что-нибудь около ста миллионов.— В его голосе появились саркастические нотки.— У наших стратегов возникла иллюзия, что при определенных обстоятельствах можно одержать победу... Ракетно-ядерная война стала теоретически возможной, затем вероятной и, наконец, осуществимой. Времени на раздумья отводилось мало, и я решил покинуть волшебную гору. По соображениям безопасности они великодушно даровали мне смерть, и я согласился.

Фолкен обратил взор на телеэкран. Причудливое существо шествовало по доисторическому лесу.

— Известно ли вам, что ни одно создание весом свыше двадцати кило, обитавшее на Земле в ту эпоху, не смогло выжить?

— Нет,— сказал Дэвид,— и меня это совершенно не волнует. Позвоните им!

Фолкен не отреагировал.

— Мы не знаем в точности, что произошло. Возможно, с Землей столкнулся крупный астероид. В любом случае жившие тогда существа были бессильны что-либо предпринять. Вымирание видов представляется частью естественного хода вещей.

— Ерунда! — сказал Дэвид, вставая.— Если мы вымрем, то не в силу естественного хода вещей, а по глупости!

— Не о чем беспокоиться.— Лицо Фолкена озарилось.— Я все спланировал заранее. Этот дом стоит всего в трех милях от вероятной цели атаки. Ослепительная вспышка не дольше миллисекунды — и мы испаримся. Завидная судьба в сравнении с миллионами несчастных, которым доведется переживать последствия атомной катастрофы.

— Значит, вы отказываетесь позвонить?

— Если бы ваш сын Джошуа не погиб,— сказала Дженифер,— вы бы позвонили.

— Можно выиграть несколько лет,— медленно произнес Фолкен,— достаточно времени, чтобы у вас появился собственный сын. Но военные игры, разработку планов самоубийства человечества...— Фолкен грустно улыбнулся.— Этого я остановить не в силах.

Дэвид подошел к видеомагнитофону и выключил его.

— Мы не динозавры, профессор Фолкен. Я признаю, что вел себя как болван, настоящий болван. Поверьте, это был тяжелый урок. Но я не опустил руки. Я не остался сидеть там, в толще горы, где меня никто не хотел слушать. Вы, наверное, думаете, что вы лучше Маккитрика? Хочу вам сказать, профессор Фолкен, я тоже мучился сознанием собственной никчемности... Поэтому я так набросился на компьютеры, надеясь обрести в них смысл жизни, цель... власть. Я ошибся... Ужасно ошибся и теперь понимаю это. Но, черт побери, я пытаюсь что-то сделать, а не просто сижу с видом превосходства над всеми!

Фолкен положил трубку в пепельницу и взглянул на часы.

— Вы опоздали на паром,— без всякого выражения сказал он.

— Нет, это невероятно! — воскликнул Дэвид.— Знаете что? Я думаю, смерть ничего не значит для вас потому, что вы уже умерли. Неужели на свете для вас не осталось ничего дорогого?

Фолкен встал и двинулся к выходу.

— Вы можете переночевать в гостиной, если хотите.

— Я вас считал героем,— выпалил Дэвид ему вслед, дрожа от волнения.— Но теперь я вижу, что вы такой же, как все! Такой же зацикленный, ничего не желающий знать, кроме себя самого.

Фолкен остановился в дверях, не оборачиваясь.

— Мы ведь не компьютерные программы, Фолкен! — с силой произнес Дэвид.— Мы — люди!

Фолкен вышел из гостиной, и Дэвид Лайтмен вдруг ощутил отчаяние — такое, какое не испытывал еще никогда в жизни.

Табло показывало СТОГ 2. Личный состав Хрустального дворца лихорадочно регистрировал поток стратегической информации, а генерал Берринджер сообщал по телефону в Белый дом о развитии событий.

— Я знаю, что вы говорили с Москвой, господин президент... Они категорически отрицают все?.. Не могу понять... Да, сэр, будем незамедлительно информировать вас.

Он положил трубку и залпом выпил полбутылки минеральной воды. У генерала Джека Берринджера крепло предчувствие неизбежного. Ядерный конфликт призван был стать венцом его военной карьеры. И в глубине души он был благодарен судьбе за то, что именно на его долю выпала честь защищать Американский Образ Жизни.

Резкий ветер хлестал невидимые во тьме деревья, громкий шелест листьев заглушал шаги Дэвида Лайтмена и Дженифер Мак.

— Давай помедленней,— попросила она.— Может, зря мы так? Надо было подождать до утра. У Фолкена по крайней мере тепло.

Луна выглянула из-за туч, посеребрив дорожку, петлявшую между деревьев к морю. Где-то ухнул филин.

— А утром проснуться обугленными трупами? — сказал Дэвид.— Нет, это не для меня. Я буду драться. Я еще могу попытаться что-то сделать.

Лес вкусно пах сосновыми иглами, он был полон жизни, которой Дэвиду не довелось еще вкусить. То же самое должны были ощущать и миллионы других людей на свете, каждый по-своему. Юноше показалось, что все они смотрят на него.

— Пошли,— сказал он.— Поищем лодку.— Он прищурился, глядя вперед.— На берегу должна быть какая-нибудь посудина.

Порыв ветра донес до них грохот волн. Был прилив, пенистые буруны вспухали в лунном свете.

Несколько минут спустя они вышли к берегу. Он был совершенно пуст.

— Что за идиотство — жить на острове и не иметь лодки! — заорал Дэвид в отчаянии. Звезды равнодушно мигнули в ответ в разрывах туч.

Дженифер посмотрела на воду.

— Можем попробовать вплавь. Сколько здесь до материка?

— Мили две-три, не меньше.

— Ну что, давай? Вперед! — Она сбросила кеды и шагнула к воде.

Дэвид схватил ее за свитер.

— Гм, Дженифер... я...— Она с недоумением глядела на него.— Я не умею плавать.

Он опустил голову. «В книгах все было по-другому! А здесь неудача за неудачей. Может, зря я так стараюсь? Может, это и есть плата за мою ошибку?»

Ночь, волны и ветер шептали в ответ что-то невразумительное. Он почувствовал прикосновение к своему плечу.

— Извини,— тихо сказала Дженифер.

— Слушай, но ты-то знаешь, что это была игра... Я не хотел никому причинять зла,— жалобно сказал он и, опустившись на камень, закрыл лицо ладонями.

Дженифер села рядом.

— Я знаю, Дэвид... Помнишь, как ты спас Германа, когда все остальные сидели и смотрели?

— Да, спас хомяка и уничтожил планету!

— Зачем же так... Не ты сделал эту машину, а Фолкен. Не ты сделал этот мир таким... Что ты имел в виду, говоря, что программа зациклилась? Я не поняла.

Дэвид поглядел на материк, слабо маячивший на том берегу пролива.

— О'кей. Компьютерная программа — это... это как рецепт. Только записанный математическими символами. Представь, что машина — это робот, который умеет готовить... Он будет строго выполнять то, что ему прикажут. Ты расписываешь ему, в каком порядке действовать — разбить яйца, добавить молока и муки, смешать. Теперь представь, что какое-то действие надо повторить — программа прикажет роботу вернуться, скажем, к действию номер восемь. Если дальше у робота нет другой команды, он будет снова и снова повторять последнее приказание — разбивать яйца, добавлять молоко и муку, смешивать... и так до бесконечности.

— Ты сказал про Фолкена, что он такой же, как все. Зацикленный робот.

— Да, он как Джошуа. Компьютер выполняет команды внутри одного бесконечного цикла. Джошуа не знает, что́ влечет за собой война и какая роль ему отведена в ней. Зато я знаю,— мрачно закончил он.

Оба помолчали.

— Мне так хотелось бы ничего не знать об этом,— сказал наконец Дэвид.— Хотелось бы жить, как все. Но завтра желать уже будет нечего.— Он вздохнул.— Завтра уже не надо будет чувствовать вину, стыд, ничего.— Он посмотрел на пролив, отделявший их от материка.— Господи, я бы все отдал за то, чтобы уметь плавать!

Дженифер привалилась к его плечу.

— А меня на этой неделе должны были показывать по телевизору.

— Шутишь?

— Правда. О, ничего особенного — класс аэробики в дневной передаче. Я и еще несколько девочек. Жаль... Хотя кто бы стал смотреть в это время?

— Я бы стал,— убежденно сказал Дэвид.

Она улыбнулась, и Дэвид заглянул ей в глаза и увидел там отражение луны и подумал, что до сих пор не видел в своей жизни ничего более прекрасного. Он почувствовал совершенную растерянность перед такой красотой.

— Не хочу умирать,— услышал он собственные слова и ощутил на своих губах ее губы. Волну такой пронзительной силы он не ощущал ни разу за всю свою жизнь. Дэвид прошептал: «Я еще никогда не целовался — до этого дня, Дженифер».

Вселенная ничего не ведала о компьютерах, программах, ракетах, бомбах, а состояла из одного чуда под названием Жизнь.

...Дэвид легко, словно на крыльях, перелетал с камня на камень вдоль линии прибоя. Лицо его горело.

— Эй! — закричал он вне себя от счастья.— Сюда! Есть лодка!

Из-за камня выглядывал нос «скифа». Подойдя вплотную, они увидели, что лодка привязана к вбитому в берег столбу. Дэвид принялся отвязывать конец, Дженифер как могла помогала ему. Оба были так поглощены работой, что не обратили внимания на тарахтенье вдали вертолета.

— Помоги мне столкнуть посудину...

Звук обрушился на них, вынырнув из-за верхушек деревьев. По земле шарил столб света. Оба застыли от неожиданности, ослепленные мощным прожектором. Вертолет завис над ними, гремя моторами.

— Бежим! — крикнул Дэвид, схватив Дженифер за руку и увлекая за собой. Они ринулись в темноту, спотыкаясь и наталкиваясь на камни.

Вертолет двинулся за ними, как исполинское ночное насекомое. Дэвид провалился в рыхлый песок и упал, потянув Дженифер. Машина снизилась, подняв вокруг настоящий самум.

— Негодяй выдал нас! — с отчаяньем закричал Дэвид.

Вертолет отодвинулся немного и мягко сел.

— Кстати,— раздался голос из машины. Лампочка в кабине осветила лицо профессора Фолкена.— Вас по-прежнему интересует экзотическая игра под названием «Жизнь или смерть»? Сейчас ваш ход.

Дэвид взглянул на Дженифер.

— Он все-таки позвонил!

Дженифер издала радостный вопль и помчалась к вертолету. Фолкен помог им влезть.

— Захотелось полетать немного, прежде чем отлететь в мир иной,— улыбнулся он.

— Что они сказали? — прокричал Дэвид, пытаясь прорваться сквозь гул моторов.

— О, они весьма удивились, услышав мой голос. Обрадовались, что могут получить вас назад. Но, судя по всему, они ужасно заняты другими вещами. Я пытался растолковать им, что́ происходит, но эти милые люди мне не поверили. Боюсь, нам придется нанести им визит.

— О'кей! — согласился Дэвид. Как за последнюю надежду, он держался за руку Дженифер. Впереди в окнах домов уютно мигали огоньки.

Хрустальный дворец, врытый в толщу горы Шайенн, огласил вой сирены.

На центральной карте под потолком засветилась точка. Мгновение спустя точки испещрили почти всю карту.

— ОПРУ показывает массированную атаку,— объявил голос.

Его перебил другой:

— Система функционирует исправно.

Послышался третий голос:

— Достоверность высока, повторяю — степень достоверности высока!

Джон Маккитрик стоял на командном мостике, чувствуя полную беспомощность перед лицом разворачивающихся событий.

Вне зависимости от времени суток в Хрустальном дворце всегда горел один и тот же неяркий свет. Значительную часть ночи Маккитрик и Берринджер проверяли работу машины. Где-то в глубине души усталость и отчаяние постепенно перерождались в страх.

Генерал Берринджер, несмотря на бессонницу, был в возбужденном состоянии. Он прищурясь смотрел на карту, чувствуя себя капитаном корабля.

— Ну, скажите мне, что это ваша очередная имитация! — рявкнул он.

Маккитрик устало покачал головой.

— Я сам бы хотел это знать, Джек... Но все вышло из-под контроля.

Берринджер обратился к полковнику Конли, сидевшему за пультом:

— Поднимайте бомбардировщики и приведите в готовность подводные лодки. СТОГ 1. Немедленно!

Маккитрик смотрел, как на табло пропала двойка и появилась единица. Мыслями он был далеко. В этот момент его сыновья-старшеклассники Рэнди и Аллен торопливо одевались, чтобы не опоздать на школьный автобус, а Элинор на кухне разогревала овсянку или жарила омлет.

Нет, надо встряхнуться. Его зовет профессиональный долг. Нельзя отдаваться во власть страха и беспомощности. Из головы почему-то не выходило одно воспоминание: он сидит в гостиной с сыновьями и смотрит телевизор. Ничего особенного в тот день не произошло, но ему запомнилось ощущение покоя, умиротворения, счастья. Редкая минута в его постоянном стремлении утвердить себя. Да, недовольство своим местом в жизни толкнуло его на то, чтобы с по-

мощью машин построить мир, в котором он будет главным. Главным чародеем и повелителем.

И вот теперь летевшие в небе невидимые ракеты, за которыми они следили из-под земли, должны были уничтожить его мечты, ликвидировать малую толику удовлетворения достигнутым: обмен термоядерными ударами унесет с собой всех и вся.

Джон Маккитрик попытался справиться с судорожным дыханием.

«Долг,— подумал он.— Я обязан выполнить свой долг».

Он подошел к терминалу ОПРУ. За пультом сидел сейчас майор Лем. Его лысая голова была покрыта капельками пота, маленькие руки сжаты в кулаки.

— Ну что там у нас, майор? — хрипло спросил Берринджер.

— Одну минуту, сэр. Я уже сделал запрос,— ответил Лем, не отрываясь от экрана.

Курсор оставил хвост белых букв на зеленоватом фоне дисплея:

УДАР ВСЕМИ СРЕДСТВАМИ ПО СТРАТЕГИЧЕСКИМ И ПРОМЫШЛЕННЫМ ЦЕЛЯМ ПРОТИВНИКА.

— Неужели для подобной рекомендации нужна машина?! — взорвался генерал.

Маккитрик увидел, как полковник Конли повернулся к Берринджеру, скрипнув стулом.

— Сэр, президент направляется к авиабазе «Эндрюс» на летающий командный пункт. Мы должны сообщить ему о готовности к запуску ракет.

— Он говорил еще раз с русскими?

— Да. Они продолжают все отрицать.

Маккитрик внезапно ощутил сочувствие к генералу. На его плечи сейчас ложилась немыслимая ответственность, та самая, к которой он стремился годами, поднимаясь по ступеням чинов и должностей. Этот момент настал. И, глядя на его лицо, было совершенно ясно, что генерал Джек Берринджер предпочел бы оказаться в любом другом месте, но только не здесь. Он выглядел усталым стариком.

— Готовиться к запуску,— бросил Берринджер.— Закрыть гору.

Лейтенант Рик Холдеман положил телефонную трубку и повернулся к своему помощнику, сержанту Эду Родригесу.

— Приказано приступать,— мрачно сказал он.

— Кошмар! — отозвался сержант.— Надеюсь, это только мера предосторожности.— Он протянул лейтенанту карту проверок, а сам бегло пробежал взглядом по мониторам. На каждом экране была видна часть запретной зоны и пути подъезда.

— Не знаю, что это, но генерал приказал закрыть гору. Выполняйте, сержант.

— Слушаюсь.— Руки легли на пульт.

— Включить внутренние силовые установки.

Пальцы сержанта Родригеса нажали нужные кнопки. Он посмотрел на шкалу. Генераторы действуют.

— Отключить внешние источники питания.

Еще несколько щелчков. Проверка показаний приборов.

— Внешние отключены.

— Закрыть вентиляционные шахты.

— Вентиляционные шахты закрыты,— доложил Родригес. Краем глаза он опять скользнул по мониторам. На главной дороге какое-то движение. Облако пыли со стороны перевала. Боже, это «джип»! Он передал сигнал тревоги на КПП у главных ворот.

— Сэр, кто-то пытается въехать в зону.

Лейтенант даже не взглянул на экран.

— Действуйте по инструкции, сержант.

— Слушаюсь, сэр,— отозвался Родригес, продолжая нажимать на кнопки и щелкать тумблерами по мере поступления приказов лейтенанта.

Дэвида Лайтмена уже основательно натрясло в кабине реактивного военного самолета, доставившего их из Орегона в Колорадо. Теперь его окончательно укачало в «джипе», мчавшемся на полной скорости к горе Шайенн. Он сидел на заднем сиденье с Дженифер, Фолкен — впереди, рядом с водителем, сержантом Джимом Трэвисом.

«Джип» клюнул носом и заюлил на спуске. Трэвис с трудом удержал машину. Впереди маячили ворота. Они были закрыты.

Лайтмен считал, что Трэвис затормозит, но тот, наоборот, прибавил скорость.

— Держитесь крепче! — скомандовал сержант.

Ворота приближались — две массивные рамы с металлической сеткой внутри. Раздался удар, скрежет металла.

— Прорвались! — заорал Трэвис. Но не успел он закрыть рот, как машину резко занесло. Все закружилось в голове Дэвида Лайтмена. Когда он обрел способность соображать, «джип» лежал на боку, а Дженифер распласталась на траве. Брезентовый верх был порван в клочья, и Трэвис с Фолкеном барахтались в них, пытаясь подняться. Дэвид выполз наружу и помог Дженифер встать на ноги. Все вокруг еще покачивалось, но пассажиры, похоже, были живы.

— Цела? — спросил он.

— Вроде,— ответила она.

— А как вы? — Он повернулся к Трэвису и Фолкену.

— Герои отделались испугом,— крикнул Трэвис, потирая ушибленный бок.

— Насколько я помню, вход в пещеру здесь,— деловито сказал Фолкен, указывая на туннель.— Давайте поспешим, пока эти идиоты не замкнулись изнутри!

Они бросились к туннелю.

— Скорей! — крикнула Дженифер, опередившая остальных, пыхтевших сзади.— Там внутри большая дверь... она начинает закрываться!

Стивен Фолкен хотел было отпустить какое-то едкое замечание, но потом решил приберечь энергию для бега. Их шаги гулко застучали при входе в подземелье. Дэвид явственно увидел то, о чем говорила Дженифер: толстенная дверь в середине туннеля медленно поворачивалась.

— У нас тридцать секунд! — прокричал сержант Трэвис.

Дэвид Лайтмен пожалел, что не занимался раньше бегом.

Перевел с английского М. МАШИН

Окончание следует

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ XII ВСЕМИРНОГО. Солидарность была главным на фестивале. Солидарность в борьбе с империализмом, расизмом, социальной несправедливостью. Солидарность со странами и народами, ставшими мишенью злобных нападок, наглого вмешательства и прямой агрессии США и их союзников. На первой странице обложки: один из участников манифестации солидарности с патриотами Сальвадора.

Фото Е. СТЕЦКО

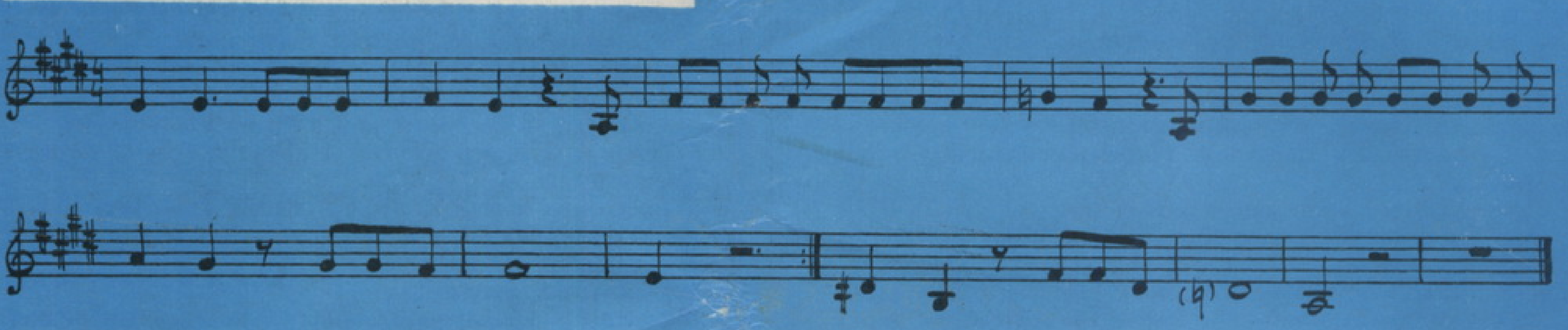
В НОМЕРЕ:

«Мы будем петь до тех пор, пока в нас бурлит ярость» — это строчка одной из песен, которые исполняли на XVI Международном фестивале политической песни в столице ГДР Берлине сицилийцы братья Манкузо. Гнев против неравноправия, от которого уже столько веков страдает их родина, гнев против засилья мафии, которая хочет низвести Сицилию до положения колонии, торгующей наркотиками,— вот темы песен Энцо и Лоренцо Манкузо.

Коммунисты Манкузо — смелые люди. Они ведут на радио передачу, которая называется «Мафия стреляет, поэзия отвечает. Искусство против мафии». Они ходят по деревням, таким же, как их родная деревня Сутера, выступают на площадях маленьких городков. «Мы пытаемся придать нашим соотечественникам мужества и разоблачить тайные механизмы власти. Мы хотим укрепить в наших людях чувство собственного достоинства. Мы говорим о том, что американские атомные ракеты, установленные на базе Комизо,— это тоже в конечном счете мафиозное дело. Ведь мафия заранее знала о проекте размещения ракет, перекупила землю и построила отели для иностранных военных специалистов...»

В песне «Восстань, Сицилия», которую мы печатаем здесь, братья Манкузо поют: «Восстань, Сицилия, восстань со стогов соломы, пропитавшихся кровью, с еще теплых, горой лежащих пистолетов и лупар. Восстань, Сицилия, против дула автомата, нацеленного в твою грудь, против выборов, на которых тебя заставляют голосовать за продажных политиканов... Восстань против крови, порченной мафией, против твоих карикатурных властей... Восстань, Сицилия, выйди из глухих домишек, хранящих секреты, которые тебе же выйдут боком. Восстань против заморских генералов, спешащих набить твое чрево ядерными ракетами...»

Sorgi Sicilia sorgi
dai mucchi di siringhe insanguinate
dai mucchi di pistole e di lupare
ancora calde

Sorgi Sicilia sorgi
dai cantieri nascosti della morte
dai lutti precoci per gli ammazzati
dell' ultima ora

Sorgi Sicilia sorgi
dal automato puñtato sul tuo petto
dal voto estratto col ricatto
per un politico corrotto

Sorgi Sicilia sorgi
dai lager che per te han costruito
in ogni Germania che hai servito
come gleba

Sorgi Sicilia sorgi
da secoli di stupro sul tuo corpo
dal sangue che la Mafia ha succhiato
dal tuo scheletro

Sorgi Sicilia sorgi
dai tuoi ridicoli ministri
esperti in condoglianze e funerali
ed anche in protezioni

Sorgi Sicilia sorgi
dalla lingua morta delle scritte
che dai muri, anonime, sussurrano
«Forza Etna»

Sorgi Sicilia sorgi
dai cassetti che celano segreti
di grandi affari ancora non compiuti
sella tua pelle

Sorgi Sicilia sorgi
dai generali venuti da oltreoceano
a ingravidare il tuo ventre tumefatto
col seme nucleare
Si, sorgi Sicilia sorgi...

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Т. П. Максимова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 10.06.86. Подписано в печ. 09.07.86. А07765. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 125 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 137.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.